

Манфред
Шнепс-Шнеппе

**НЕМЦЫ
В РОССИИ**

Манфред Шнепс-Шнеппе

**Немцы в России. Мятежный
род Баллодов между
немцами, евреями и русскими**

«Алгоритм»

2011

УДК 82-94
ББК 84

Шнепс-Шнеппе М.

Немцы в России. Мятежный род Баллодов между немцами, евреями и русскими / М. Шнепс-Шнеппе — «Алгоритм», 2011

ISBN 978-5-4320-0066-8

«Кто правит Россией: сами русские или немцы? Среди министров 15% немцев, среди членов Государственного совета 25%, среди сенаторов 40%, генералов 50%, губернаторов 60%. А поскольку губернаторы управляют Россией, то это и будет ответом на поставленный вопрос». Так писал для «Московских ведомостей» в 1869 году младолатыш Х.М.Валдемар. Становление Российской империи издавна связано с немцами - уже более 300 лет. Началось со времени Петра Первого - после вхождения Лифляндии в состав Российской империи. Продолжалось оно и в советское время: после подписания в 1922 году Раппальского договора. Возобновляется оно сегодня: в 2008 году началась программа участия Германии в модернизации России. Герои нашего повествования – пассионарии. Их действиями двигала не жажда обогащения, личной выгоды, корысть. Они жертвовали собой, потому что им было обидно за Родину. Без людей, способных ставить интересы общества выше собственных, «светлое будущее» не построить. Ни в России, ни в Латвии.

УДК 82-94
ББК 84

ISBN 978-5-4320-0066-8

© Шнепс-Шнеппе М., 2011

© Алгоритм, 2011

Содержание

Введение	7
Лекция 1	12
1.1. Лифляндия – между Востоком и Западом	12
О Виндаве и Транссибирской железной дороге	12
Скелеты из шкафа	14
О петровских гарантиях остзейцам	16
1.2. Россия, по Гердеру, модель для человечества	18
Философ И. Г. Гердер	18
Как развивалась европейская культура	19
Восхищение Россией	21
1.3. Россия и Германия: тогда и сейчас	24
Откуда наглость остзейских немцев	24
А что было в России	25
Как возникла идея Третьего рейха	27
История продолжается	28
Лекция 2	30
2.1. Как созревал бунтарский дух	30
Гарлиб Меркель – свидетель одичания латышей	30
Гернгутеры – невольные учителя бунтарей	34
Ю. Ф. Самарин о сути гернгутерства	37
Религия как мировоззренческая матрица народа (по Кара-Мурзе)	38
Как курляндские евреи «сагитировали» латышей	39
2.2. Свидетели движения латышей в «русскую» веру	45
Ю. Ф. Самарин	45
П. А. Валуев	47
А. А. Суворов-Рымникский	48
Х. М. Валдемар	49
2.3. Хроника событий	52
Еще раз о положении крестьян	52
1841 год и судьба епископа Иринарха	53
Звездный час Давыда Баллода	56
Инструкции Николая I по православию	58
1845 – роковой год	60
Перипетии движения	62
Революция 1848 года и конец движения	64
Печальная участь Давыда Баллода	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Манфред Шнепс-Шнеппе Немцы в России. Мятежный род Баллодов между немцами, евреями и русскими

*Детям – Катрине, Андрису, Донату – на память,
внукам – Алисе, Клаву, Анне, Никите, Софье, Артемию – и в
назидание*

Введение

О чем и о ком эта книга

«Кто правит Россией: сами русские или немцы? Среди министров 15 % немцев, среди членов Государственного совета 25 %, среди сенаторов 40 %, генералов 50 %, губернаторов 60 %. А поскольку губернаторы управляют Россией, то это и будет ответом на поставленный вопрос». Так писал для «Московских ведомостей» в 1869 году младолатыш Х. М. Валдемар.

«Не может этого быть! Числа явно преувеличены!» – вскрикнул М. Н. Катков, издатель «Московских ведомостей», и тут же велел своему секретарю цифры проверить. Проверка его поразила: сенаторов-немцев оказалось даже больше – 63 %.

В том далеком 1869 году в российской и немецкой прессе развернулась «печатная война» по остзейскому вопросу. Это было обусловлено политизацией края: происходило осознание русской государственной миссии в Прибалтийском крае, с одной стороны, и рост германского сепаратизма в условиях создания Второго рейха – с другой. Подавляющее количество немцев в администрации царской России тогда составляли выходцы из Прибалтики, так называемые остзейские немцы, откуда и пошло название газетных противостояний.

Становление Российской империи издавна связано с немцами – уже более 300 лет. Активное участие немецкого элемента в делах России началось со времени Петра Первого – после вхождения Лифляндии в состав Российской империи в начале XVIII века. Продолжалось оно и в советское время: после подписания в 1922 году Рапалльского договора между Веймарской республикой и Советской Россией немецкие инженеры участвовали в разработках советской военной техники. Возобновляется оно и сегодня: в 2008 году началась программа участия Германии в модернизации России. В 2010 году программа «Партнерство ради модернизации» стала общей для Европейского союза и Российской Федерации.

Во времена «печатной войны» по остзейскому вопросу наиболее яркой была полемика между российским философом Ю. Ф. Самариным и остзейским историком Карлом Ширреном. За свои откровенно антироссийские выступления дерптскому профессору К. Ширрену пришлось покинуть Россию, но он сохранил ореол борца и мученика. До сих пор в ФРГ существует «Общество Карла Ширрена». Ежегодно оно проводит «День Карла Ширрена» (Carl Schirren Tag). Предложенная Ширреном историко-политическая концепция стала методологической основой толкования истории Прибалтики. Сегодня – в условиях расширения контактов Россия – Германия – ее придется изучать заново, интерпретировать в интересах России.

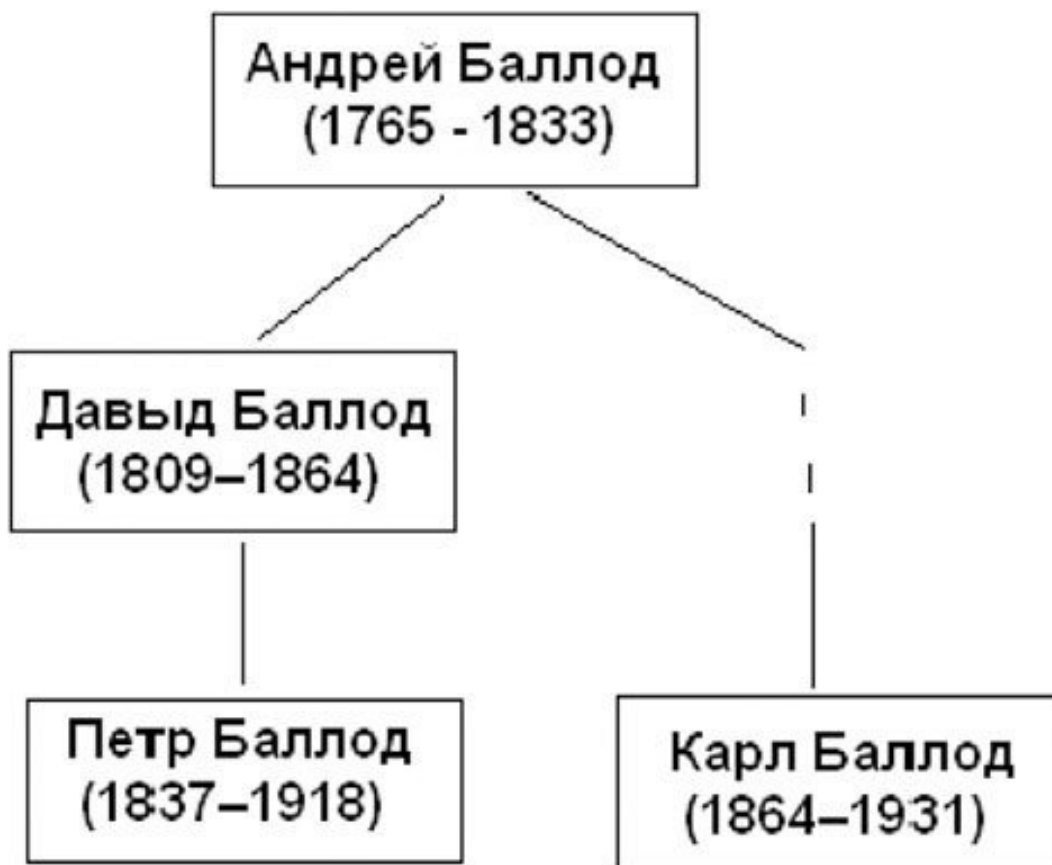
Цель настоящей книги состоит из двух смыслов. В первом, более узком смысле – это описание жизни России в отдельной провинции – Остзейском крае, где безраздельно правили немцы. Но во втором, более широком смысле – это серьезный разговор о становлении Российской империи во 2-й половине XIX века и в начале XX века, которое проходило в условиях мирового господства Британской империи и ее концепции открытого рынка, в условиях противостояния двух концепций развития экономики России – автаркия или глобализм. И, что важно, это противостояние в сегодняшней России стоит не менее остро.

Цель настоящей книги состоит в том, чтобы на примерах судьбы трех, точнее четырех, представителей одного латышского рода – бунтарского рода Баллодов – поведать о жизни в Остзейском крае, о перипетиях латышской народности под гнетом баронов и пасторов, рассказать о формировании русского духа в процессе укрепления Российской империи.

Судьба латышского народа, формирование его национального сознания причудливым образом переплелись с историей евреев. С присоединением Курляндии в 1795 году – после третьего раздела Польши – была введена «черта еврейской оседлости» и происходило пере-

селение курляндских евреев в южные губернии России, что породило в латышах надежду на «свой кусочек земли» – пусть в далеком краю России, пусть переходом в «русскую» веру.

Основатель бунтарского рода – крепостной крестьянин Андрей Баллод (1765–1833) в своей крепостной жизни подвергался столь жестоким истязаниям, что его дело расследовала Сенатская комиссия, и тем он оставил след в истории края. Его сын Давыд Баллод (1809–1864) возглавил переход латышей в «русскую» веру, что явилось небывалым явлением, небывалым даже в мировой истории религий. Но движение окончилось неудачно: прорусские силы не смогли еще тягаться с остзейцами. Это движение вскрыло слабость российского правления в Прибалтийском крае. Два внука Андрея – Петр и Карл – порвали с Лифляндией. Петр Баллод (1837–1918) стал бунтарем-студентом в Петербурге, известным революционером и угодил в Сибирь, где и провел долгую, богатую событиями жизнь. Карл Баллод (1864–1931) стал известным российским ученым-демографом, немецким ученым-экономистом с мировой славой. Жизнеописание этих людей иллюстрирует противостояние прорусских и пронемецких тенденций в Прибалтийском крае, повествует о роли немцев в России.

Из генеалогии рода Баллодов

Рассказ о жизненном пути наших героев, о хлопотах, которые они доставляли властям Российской империи до самого верха иерархии, можно детально проследить по архивным документам, по донесениям полиции, по литературным произведениям, наконец. Их деяния вошли в сокровенную часть российской истории и культуры. Изучая их судьбы, мы можем и сегодня полнее воспользоваться опытом государствовительства тех давних лет. История бунтарского рода Баллодов иллюстрирует те трудности, с которыми сталкивалась Россий-

ская империя в XIX веке, соревнуясь со своим главным конкурентом – Британской империей. И с вновь возрождающейся Германской империей – то сотрудничая, то враждуя.

Книга состоит из пяти лекций.

В Лекции 1 «О культурном наследии Российской империи и текущих делах» кратко рассказана история Лифляндии и показана роль остзейских немцев в отношениях Россия – Германия. Особое место отводится немецкому философу И. Г. Гердеру – современнику Гете и Канта, считавшему, что Россия может служить моделью для развития человечества.

Лекция 2. Переход латышей в «русскую» веру – несвоевременный почин. Начнем ее с описания условий жизни в Лифляндии, где зарождался бунтарский дух крестьян, с рассказа немецкого просветителя Г. Меркеля о суровой участи латышей под крепостным гнетом немецких баронов, религиозном движении гернгутеров как школе будущих бунтарей, о гонениях на евреев и их переселении в «теплые» края, что породило у латышей надежду на получение собственного клочка земли.

В разделе «Хроника событий» описывается сам переход лифляндских крестьян в православие. Это сопровождалось огромной законотворческой работой в Петербурге. В архиве П. А. Валуева сохранилась «Опись распоряжений правительства о переходе крестьян в православие», содержащая перечень 56 документов только за 1845–1846 годы: о самом присоединении, устройстве церквей, пасторских повинностях, участии православных в судах и т. п. Несмотря на приложенные усилия, российские власти не смогли поддержать стремление латышей к единению с Россией, в итоге породив массовое недовольство у отчаявшихся людей. Остзейцы выиграли, пусть временно.

Сегодня нам более интересна борьба «партий» за Остзейский край, точнее за умы людей, что вполне ложится на процессы текущего времени. Мы будем говорить о борьбе славянофилов против остзейских немцев, аргументах остзейцев за сохранение своих привилегий, формировании основ российского патриотизма и роли «Московских ведомостей». Данный опыт может пригодиться сегодня, когда расширяется сотрудничество России и Германии. Аргументы того времени о превосходстве «культурных» наций: немцев, поляков, евреев – над «варварами-русскими» сохранились и поныне.

Сам массовый переход латышей в «русскую» веру был неслыханным событием в современной истории религий. Тогда веру поменял каждый восьмой житель Лифляндской губернии. Ведь не было ни газет, ни телевидения, только молва, живая молва, что «Давыд Баллод перекрестился», – и народ за ним последовал. Но это массовое движение, к сожалению, практически не нашло отражения в официальной истории Латвии. В течение 150 лет на территории Латвии происходило множество бурных событий, но как-то не нашлось до сих пор властителей, которым это поистине народное движение – всенародное пробуждение – хотелось бы вспоминать.

Лекция 3. Петр Баллод: от нигилиста до капиталиста.

Петр Баллод оставил удивительный след в русской литературе – у Тургенева, Лескова, Короленко. Если прототип Базарова в романе Тургенева «Отцы и дети» – лишь гипотеза, так как это все же собирательный литературный образ, то портреты студента-бунтаря у Лескова и золотоискателя у Короленко весьма достоверны.

Петр Баллод – это тип не только бесчинствующего разночинца, отказавшегося от сана православного священника (слабо было православие в Лифляндии – при засилии немцев), но и потомка благоразумного крестьянина: за авторство записанной им прокламации «Предостережение» (до сих пор так и не разобрались, кто же ее сочинил) спорили лучшие силы

советской идеологии, приписывая ее Чернышевскому. Дело Баллода – государственного преступника – связано с малоизвестной историей о нелегальной петербургской офицерской организации, готовившей в начале 1860-х, после отмены крепостного права, государственный переворот. Организацию не раскрыли: в официальной истории эти события описываются как польское восстание, а мог состояться судебный процесс покрупнее «дела декабристов».

Другая жизнь П. Баллода, от каторжанина до преуспевающего управляющего золотыми приисками, дает нам возможность поразмыслить над извечным вопросом: кто более матери-истории ценен – разрушитель или созидатель. Интересно также узнать о вкладе П. Д. Баллода в развитие золотодобывающей промышленности России.

Лекция 4. Карл Баллод и его «государство будущего».

Научный мир Карла Баллода – это ученые, которые разрабатывали концепцию государственного социализма, точнее ученые, которые допускали вмешательство государства в экономику. Как писал австро-американский экономист Людвиг фон Мизес, всю жизнь неистово боровшийся против социализма, «будь то государственный социализм или государственный капитализм – это все означает вмешательство государства в экономику».

В своем главном труде «Государство будущего, производство и потребление в социалистическом государстве» (на нем. яз., 1898) Карл Баллод (под псевдонимом Атлантикус) доказывает, что социализм не утопия и что эта социально-экономическая формация возможна даже при существовавшем тогда развитии производительных сил. При этом социализм явился бы более эффективной системой, чем капитализм. Отрицая теорию Маркса о классовом характере капиталистического государства, Баллод предполагает, что к социализму можно прийти не революционным, а мирным путем.

Подводя итоги научной деятельности, в 4-м варианте книги «Государство будущего» (1927) Карл Баллод называет своего главного учителя – немецкого философа Йоганна Фихте и отмечает его книгу «Замкнутое торговое государство» (1800), в которой изложена концепция автаркии. Может быть, это было всего лишь шуткой великого философа, но концепция замкнутого государства оказалась удивительно плодотворной. Идеи Фихте частично реализовал Фридрих Лист, а в довольно полной мере – «железный» канцлер Отто Бисмарк и Адольф Гитлер. В России реализацией автаркии занимались два великих ума – Д. Менделеев и С. Витте, а довел ее до логического конца Иосиф Сталин. Имена двух злодеев человечества – в Третьем рейхе и в СССР – запятнали концепцию государственного социализма, но тем не менее... без вмешательства государства в экономику процветающее национальное государство не построить.

Научный круг Карла Баллода образуют удивительные люди: Густав Шмоллер (1838–1917), Йозеф Поппер, псевдоним Линкеус (1838–1921), Мейнард Кейнс (1883–1946), Йозеф Шумпетер (1883–1950), Василий Леонтьев (1906–1999).

К. Баллод оставил заметный след в истории советской России: Ленин воспользовался книгой берлинского профессора при разработке плана ГОЭЛРО. Вошел он и в историю Израиля: в 1918 году был председателем германского комитета еврейских поселений в Палестине (Pro Palastina Komitee) и разработал план создания еврейского государства.

Курьезный факт связан с увековечиванием памяти Баллода в Германии. 30 января 1933 г., ровно в тот день, когда пришел к власти Гитлер, одна из улиц Берлина (в южном округе Буков) была названа Ballodweg. Но вскоре, при нацистах, 8 августа 1935 г., улице вернули прежнее название. В Риге ничто не напоминает о величайшем русско-немецко-латышском экономисте профессоре Карле Баллоде.

Лекция 5. Автаркия против глобализма. Эта глава относится уже к текущим российским делам. Правда, начинаем мы издалека, с рассказа об усилиях Д. Менделеева и С. Витте по разработке российской тарифной политики. При работе над настоящей книгой я узнал, что за отход от занятий чистой химией и переход к ее применению, а тем более к вопросам российской экономики в целом, великому ученому пришлось дорого заплатить. Как писал С. Ю. Витте¹, «Менделеев – человек с большой не только научной, но и практической инициативой. Менделееву во многом обязано развитие нашей нефтяной промышленности и других отраслей нашей промышленности. Он был по тем временам ярый протекционист и... подвергался со всех сторон самой усиленной критике. Его сочинения, касающиеся развития наших хозяйственных и промышленных сил, служили предметом насмешливой критики. Хорошо еще, что россияне отдали ему честь после смерти его, хотя для Менделеева было бы приятнее, если бы были оценены его достоинства во время его жизни».

Лекция завершается рассуждениями о том, как бороться против глобализма в современной России, о модели новой автаркии для России, о возрождении Госплана.

Менделеев как-то, обращаясь к аграриям, в ярости воскликнул: «Вы не можете пахать всю русскую землю германскими плугами. Я никогда не соглашусь на это». Сегодня горькие слова Менделеева можно обратить к российским нефтяникам, газовикам, связистам, мало ли кому еще из тех, кто, пренебрегая интересами отечественного производства, закупает иностранные машины.

Ссылаясь на тексты М. Н. Каткова из «Московских ведомостей», написанные более 120 лет назад, призываем читателя поверить, что «слабость России мнимая». Как и Менделеев, будем мечтать о России процветающей. А в заключение обсудим: как Латвии «вскочить в поезд» модернизации России.

Думая о будущем Латвии и наблюдая нынешнее ее обнищание, уместно вспомнить нравоучение младолатыша Х. М. Валдемара: «Латвия находится между большой Россией и по числу населения весьма великой Германией. Так что просто может получиться... стать полезным посредником меж обоими великими народами, которым наперед еще более посредники нужны будут, чем ныне».

И подытоживая. Герои нашего повествования – пассионарии. Их действиями двигала не жажда обогащения, личной выгоды, корысть. Они жертвовали собой, потому что им было обидно за Родину. Так и сегодня. Без людей, способных ставить интересы общества выше собственных, «светлое будущее» не построить. Ни в России, ни в Латвии.

¹ С. Ю. Витте Воспоминания, М.: Соцгиз, 1960, т. 2, с. 570.

Лекция 1

О культурном наследии Российской империи и текущих делах

1.1. Лифляндия – между Востоком и Западом

О Виндаве и Транссибирской железной дороге

Брожу по дюнам на берегу Балтийского моря под Вентспилсом. Брожу по старым бункерам береговой артиллерийской батареи времен Первой мировой войны, а дальше – через километр – по ангарам ракетных дивизионов, еще вполне сохранившимся, из недавнего советского прошлого. Ныне тут, в бывшей пограничной зоне, на открытом море раздолье для виндсерферов и летящих по волнам парашютистов.

Вентспилс – это бывший город Виндава. Во времена великого российского государственника С. Ю. Витте Виндава замышлялась как крупнейший торговый порт царской России. В путеводителях по Вентспилсу до сих пор приводят слова С. Ю. Витте о том, что Виндава, мол, станет крупнейшим портом мира. К сожалению, не стала: не успели. Только в советские годы порт расцвел – на экспорте нефти и дизельного топлива (сюда приходили два трубопровода) и на импорте кубинского сахара. (А чуть южнее отсюда находится Лиепая, тогда Либава. Строилась как главная военно-морская база империи. И до сих пор, при всей разрухе, там, в военном городке, чувствуется величие архитектуры – почти как в Санкт-Петербурге.)

Сто лет назад Виндава стала окончательным пунктом Транссибирской железной дороги на Балтике, а Рижский вокзал в Москве тогда назывался Виндавским. Регулярное сообщение по железной дороге между столицей империи – Санкт-Петербургом и ее тихоокеанскими портами – Владивостоком и Дальним (ныне китайский город Далянь) было установлено в июле 1903 года, когда была принята в эксплуатацию Китайско-Восточная железная дорога, проходящая через Маньчжурию.

Это был великий геостратегический замысел – соединить железной дорогой военный порт Порт-Артур и город Дальний на Ляодунском полуострове через Маньчжурию, потом через всю Сибирь и Россию с Балтикой. Слишком великий, чтобы не вызвать решительные действия со стороны Британской империи – главного конкурента Российской империи.

Старинная карта Курляндии. В Российской империи Митава (ныне Елгава) – столица Курляндской губернии, Либава (Лиепая) – главная военно-морская база, Виндава (Вентспилс) – незамерзающий торговый порт. После Ливонской войны (1558–1583) Пилтене была столицей Пилтенского округа в Курляндском епископстве

Когда искал карту Курляндской губернии, в которой и находились города Виндава и Либава, узнал, что территория Британской империи в то время составляла 25,4 млн кв. верст, а территория Российской империи – несколько меньше: 19,2 млн кв. верст. Так, в противостоянии двух империй, прошел весь XIX век.

Противостояние особенно обострилось после победы над Наполеоном, когда гусары Александра Первого гарцевали в Париже. Затем последовала проигранная Крымская война (1853–1856). Но Россия продолжала расширяться, за что еще раз поплатилась: поражением закончилась Русско-японская война (1904–1905). Потом пошли революции, развалилась царская, за ней и советская империя. И вот я брожу в окрестностях Вентспилса, который становится внутренней перевалочной базой Балтийского моря, а сам город находится в новом государстве, созданном англичанами после Первой мировой войны и реанимированном американцами после коллапса Советского Союза.

Почтовый блок России «100 лет Транссибирской магистрали», 2002. На марке блока изображен тоннель, проложенный в Яблоновом хребте (Забайкалье), с выходящим из него паровозом

Но – история повторяется, ибо не меняется география: Россия с ее обширной Сибирью сохраняется как ближайший путь от Китая до Западной Европы. Почитаем свежие новости. Вот броское заглавие: «Транссиб до Гамбурга – крупнейший проект Евразии».

«2006 год. Немецкая железнодорожная компания Deutsche Bahn объявила о запуске масштабного проекта по организации грузового железнодорожного сообщения по маршруту Кёльн – Шанхай. До Китая немецкие поезда, которые начнут курсировать в ближайшие годы, будут добираться за 12 суток. Морским путем такой скорости достичь невозможно. Транспортировка грузов из Китая в Европу по морю длится в среднем 30–40 дней. Участниками проекта являются железнодорожные компании пяти стран: Германии, Китая, России, а также Польши и Белоруссии».

Работа по проекту продолжается. В 2008 году Китай, Монголия, Россия, Белоруссия, Польша и Германия заключили соглашение о проекте оптимизации грузового сообщения Пекин – Гамбург. В 2010 году к проекту подключилась Австрия. К сожалению, грузовые потоки из Китая в Европу пройдут мимо Латвии.

Скелеты из шкафа

Важнейшим геостратегическим событием наших дней является сближение России и Германии. Прочитируем отрывок из статьи «Балтийское наследие», напечатанной в *Der Spiegel* (11 декабря 2008 г.), которая, видно, поучает тех, кто еще сопротивляется этому сближению:

«Балтийские провинции Эстляндия, Лифляндия и Курляндия вошли в состав Российской империи по договору, заключенному Петром Первым с проживавшим в Прибалтике немецким дворянством и бюргерством. Договор гарантировал жителям остзейских провинций сохранение лютеранского исповедания, использование немецкого языка в качестве бытового и административного средства общения, а также самостоятельность в вопросах местной политики... Балтийский немец историк Карл Ширрен наглядно показал, почему огромная Россия не решилась просто силой подчинить себе крошечные провинции. «Мы не были завоеваны, – замечает профессор в 1869 году в книге, направленной против политики русификации. – Конечно, продлись грохот пушек чуть дольше, мы были бы окончательно разгромлены. Однако не разгром был целью пушечных залпов, а добровольное подчинение. Царь стремился к заключению договора». Иначе говоря, так же, как это делали до него шведы и поляки, Петр покупал лояльность ценою щедрых привилегий».

Поучение отнюдь не безобидное. Как российскому читателю понять, о чем тут речь? Ведь все было так давно. Но в Германии эта историческая память сохранилась, там еще живо культурное наследие прибалтийских (остзейских) немцев. Ежегодно вспоминают профессора Дерптского университета Карла Ширрена и его сочинения о превосходстве немецкой культуры и русском варварстве. И новые отношения придется строить с учетом этих старых знаний. *Der Spiegel* продолжает:

«Петровские «вечные» гарантии продержались около 150 лет. Наиболее серьезные попытки «урезания» прав немецких провинций в целях установления религиозного и административного единства были предприняты во времена Александра Третьего. Вполне понятные с точки зрения русских, эти попытки встретили столь же понятное сопротивление немецкого дворянства, противившегося разрушению фундамента их «почти добровольного» присоединения к империи. В ответ русское правительство попыталось восстать эстонцев и латышей против немецких высших слоев».

В статье *Der Spiegel* представлена остзейская точка зрения полуторавековой давности. И, чтобы сегодня ее оспаривать, защищая российские интересы, надо много читать – читать старые статьи. Чтобы опровергать аргументы Карла Ширрена (более того, суметь выстроить равноправные отношения между Россией и Германией), придется вникать в проблемы давно минувших лет, преодолевать однобокую трактовку революционных событий уже с позиций справедливого «суда истории». Неоценимы в этом отношении будут труды давно забытого Ю. Ф. Самарина, который впервые указал на необоснованность остзейских привилегий, его «Письма из Риги» (1848), его тома «Окраины России» (1868–1876). Необходимо обратиться к статьям М. Н. Каткова, Х. Валдемара и других авторов, опубликованным в «Московских ведомостях», поднять другие давно забытые материалы.

Главный замысел автора настоящей книги в том и состоит, чтобы оказать любознательному российскому читателю помощь в этом трудном деле.

Учитывая актуальность сближения России и Германии сегодня, *Der Spiegel* завершает разбор «балтийского наследия» на примирительной ноте:

«Кстати, несмотря на все сопротивление политике насильственной русификации, балтийские немцы были верными подданными царя. Многие из них находились на службе у империи в качестве офицеров, чиновников, дипломатов. И Россия, несмотря на все разногласия с прибалтийской элитой по вопросам образования и управления, предоставляла немцам возможность становиться маршалами, министрами или воспитателями в императорской семье. Сегодняшняя же тотальная конфронтация не идет на пользу никому – кроме нескольких политиков, использующих враждебные отношения в своих целях».

Так что есть в «балтийском наследии» и полезный урок.

О петровских гарантиях остзейцам

Ливония (земля ливов) – названа так в XIII веке немецкими рыцарями-крестоносцами по имени финно-угорского племени ливов, там проживавших. Еще ранее, во времена викингов, по Даугаве шел путь от их столицы на острове Готланд в Константинополь. Ездили они в Византию за правом на княжение, а возвращались с православными монахами. До прихода рыцарей ливонские земли по Западной Двине (Даугаве) были подчинены Полоцкому княжеству. Термин «Ливония» был постепенно вытеснен другим – «Лифляндия» (нем. *Livland*). Потомки рыцарей тут безбедно жили, временами откупаясь от России небольшой данью, жили безбедно до Ливонской войны (1558–1583), когда Иван Грозный попытался выйти к Балтийскому морю. Не тут-то было: Литва, Польша, Швеция и Дания имели свои виды на ливонские земли.

У Царства Русского сил тогда оказалось недостаточно. К тому же непрерывно приходилось воевать с татарами на юге. В 1569 году Иван IV задумал создать в Ливонии буферное государство, возглавляемое датским принцем – герцогом Магнусом (1540–1583). Летом 1570 года Магнус прибыл в Москву и был принят с великой торжественностью. Его официально провозгласили королем Ливонии, он дал клятву верности царю. Породнился с домом Рюриковичей: женился на двоюродной племяннице Ивана Грозного. (Позже, во времена Смуты, ее умертвили, дабы не претендовала на трон.) Но в Ливонскую войну Дания Магнусу поддержку не оказала. В итоге и Россия проиграла. При разделе территории Ливонии между победителями (Польшей, Швецией и Данией) Магнусу достался остров Эзель (Сааремаа) и Пилтенский округ в Курляндском епископстве. Городишко Пилтене находится километрах в сорока от Вентспилса вверх по реке Вента. (Сейчас там сохранились жалкие развалины рыцарского замка и в то же время великолепное еврейское кладбище – неоскверненное, только заросшее вековыми деревьями. Откуда там появились богатые евреи и надгробия из итальянского мрамора, в местном музее не знают.)

Через 150 лет, в царствование Петра Первого, по Ништадтскому мирному договору (1721) Лифляндия вошла в состав Российской империи как Лифляндская губерния. Еще ранее, в 1710 году, появились пресловутые петровские гарантии для потомков рыцарей, которые пошли на службу к царю.

Заглянем в старый исторический документ «Жалованную грамоту Петра I Лифляндскому дворянству»²:

«Мы, Петр Первый, Божию милостию, Царь и Император Всероссийский и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляем чрез сие, что понеже Нам благородное Рыцарство и Земство Княжества Лифляндского, со всею тою Провинциею, по Божию милостивому управлению, Нашим справедливым и победоносным оружием, по капитуляции от Нас прежде позволенной, Нам сдались и подданными учинились, и Нам и Нашим законным Наследникам торжественную присягу в верности учинили и... просили, дабы Мы, все их древние и по сие время благоприобретенные и содержанные привилегии, особливо же привилегию Сигизмунда Августа, данную в Вильде 1561 года, рыцарские права, статуты, вольности и принадлежности, праведные владения, и как имеющие, так и у них несправедливо отнятые собственности, им и их наследникам милостиво подтвердили и отдать повелели.

² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. IV. С. 575–577. А также: Немцы в истории России. Документ № 4. Жалованная грамота Петра I Лифляндскому дворянству. 29.09.1710.

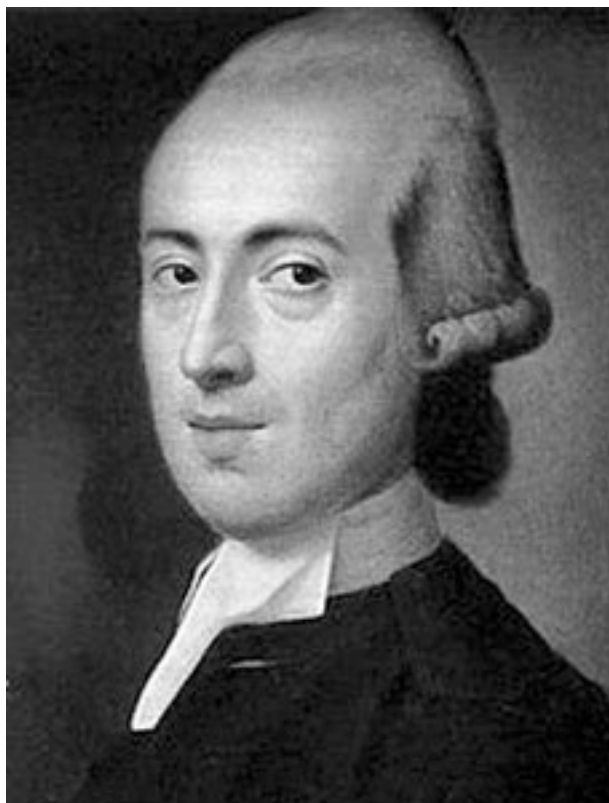
Силою сего Милостивейше подтверждаем и укрепляем и обещаем, что они и их наследники, как прямо и справедливо есть, при всем том совершенно и непрестанно содержатся и охранены будут».

Впервые о петровских «гарантиях» россиянам попытался рассказать Ю. Ф. Самарин. Он указывал на то, что остзейцы в Риге усиленно сохраняют свои привилегии, явно средневековые, но забывают о том, что *«подданными учинились и... торжественную присягу в верности учинили»*. Во времена Александра Второго обсуждение петровских гарантий стало горячей темой как в России («Московские ведомости», славянофильская пресса), так и в Германии. Более того, балтийский вопрос, как свидетельствует ссылка на *Der Spiegel*, злободневен и поныне.

1.2. Россия, по Гердеру, модель для человечества

Философ И. Г. Гердер

Иоганн Готфрид Гердер ((Johann Gottfried Herder, 1744–1803) – удивительная личность. Личность уникальная даже в богатейшей палитре немецкой культуры, выделяясь и в среде великих современников Гете и Канта. Долгое время Гердера связывала тесная дружба с Гете, и многие считают, что именно Гердер явился прообразом Фауста. Но к концу жизни дружба переросла в едва скрываемую вражду. С Кантом он сблизился, учась на богословском факультете Кенигсбергского университета, был его любимым студентом, но стал, в конечном счете, одним из самых радикальных критиков основателя «критической философии». И не дух противоречия двигал Гердером. Если вникнуть в суть тех споров, то видно, что их расхождения были принципиальными. Гердер боролся за свою основную идею – идею безусловной ценности самобытных национальных культур, и с Гете он разошелся тогда, когда тот стал подчеркивать исключительную ценность эллинской культуры. Еще интереснее первоисточник его разногласий с Кантом: великий немецкий философ утверждал, что решающее значение имеют различия расовые, а не национальные. Этот принципиальный тезис антропологии Канта, кстати, и до сих пор предпочитают замалчивать. Тем более что через полтора столетия расовое учение привело к гибели германское государство – Третий рейх.

Иоганн Гердер – крупнейший из представителей немецкой культуры, связанный с Ригой: его именем названа площадь в Старом городе, поставлен памятник рядом с Домским собором

Гердер родился в семье бедного школьного учителя в Восточной Пруссии и после учебы, дабы избежать рекрутчины, подался в Ригу, где занял место преподавателя в школе Домского собора. В Риге Гердер провел пять лет, затем многократно ее посещал. В Риге Гердер печатал свои основные философские сочинения: монументальный четырехтомный труд «Идеи к философии истории человечества» (*Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit*, Riga, 1784–1791), «Письма для споспешествования гуманности» (*Briefe zur Beförderung der Humanität*, Riga, 1793–1797).

Как развивалась европейская культура

По Гердеру, ключевую роль в формировании европейской культуры сыграли города, городские цеха (гильдии) и университеты. Эти рассуждения актуальны и сегодня – в условиях модернизации России. Приведем фрагменты из российского издания основной книги И. Г. Гердера³:

³ Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 603–606.

Русский перевод (Наука, 1977) книги Johann Gottfried Herder «Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit», в 4-х томах издана в Риге, 1784—1791

«Города Европы стали как бы военными лагерями культуры, горнилом трудолюбия, началом нового лучшего хозяйственного строя, без которого земля эта до сих пор оставалась бы невозделанной пустыней. Во всех городах бывших римских владений в той или иной степени сохранились римские искусства и ремесла; в тех краях, которыми Рим не владел, города стали бастионами, отразившими натиск варваров, – убежищем для людей, торговли, искусства, промыслов.

В городских стенах, на малом пространстве теснились все, что только могли пробудить, создать прилежание, находчивость, гражданская свобода, хозяйство, порядок, нравственность; законы некоторых городов – это подлинные образцы бюргерской мудрости. Города расположены были в Германии и в Нидерландах, в северных государствах, в Польше, Пруссии, России, Ливонии, над ними царил Любек; крупнейшие центры торговли в Англии, Франции, Португалии, Испании и Италии примкнули к союзу городов – самому деятельному, какой когда-либо существовал на свете. И этот союз превратил Европу в единую общность, скрепил ее сильнее всех крестовых походов и римских церемоний; ибо союз этот поднялся над религиозными и национальными различиями и основан был на взаимной пользе, соревновании в труде, на честности и порядке. Города совершили то, чего не хотели и не могли совершить государи, священники, дворяне, – они создали солидарно трудящуюся Европу.

Городские цеха были обузой для начальства, а нередко и для самого развивающегося искусства, однако в те времена такие маленькие общины, слитые в органическое единство тела, были совершенно необходимы; благодаря им честное ремесло могло существовать, умение росло, а художник ценился по достоинству. Благодаря им Европа стала перерабатывать материалы, поставляемые целым светом, и эта часть света, самая маленькая и бедная, взяла верх над всеми остальными частями света. Трудолюбие цехов обязана Европа тем, что из льна и шерсти, шелка и пеньки, щетины и кожи, из глины и клея, из камней, металлов, растений, соков и красок, из соли, пепла, тряпок, мусора и грязи стали получаться чудеса, и чудеса эти служили средством для создания других чудес – так будет всегда. История изобретений – это лучшая похвала человеческому духу; цехи и гильдии были школами, в которых воспитывался дух изобретательства: разделение труда между ремеслами, правильно построенное обучение, даже и конкуренция между цехами, и сама бедность производили на свет вещи, о которых не имели и представления правители и начальники, редко покровительствовавшие ремеслам, редко вознаграждавшие труд и почти никогда не пробуждавшие в людях рвение и прилежание.

Университеты были учеными городами и цехами, как городские коммуны они наделены были всеми правами цехов и городов и делили с ними все заслуги. Как политические организмы – не как школы – сбивали они спесь с дворян, поддерживали государей в борьбе с притязаниями пап, и не одному только клиру, как прежде, но целому особому ученому сословию открыт был путь к государственным должностям и рыцарским почестям. Верно, никогда ученых не уважали так, как во времена, когда только занималась заря знаний, – люди увидели всю несомненную ценность блага, которое презирали они столь долго, а если одна сторона боялась света, то другая с тем большей радостью встречала разгорающуюся зарю. Университеты были крепостями, бастионами науки, они были направлены против воинствующего варварства – церковного деспотизма».

Философ с гордостью говорит о Германии: «Следует, прежде всего, почтить прах императора Фридриха II – за ним, помимо всех остальных его заслуг, числится еще и та заслуга, что он вдохнул жизнь в тогдашние университеты, которые с тех пор все развивались и развивались, по образцу Парижской школы. И эти учебные заведения превратили Германию в центр Европы; все арсеналы и склады наук обрели в Германии устойчивость, прочность, при величайшем внутреннем богатстве».

Восхищение Россией

Особый интерес представляют взгляды Гердера на Россию⁴. И восторженные слова о России он писал в зрелом возрасте, на исходе жизни. Правда, было это в условиях дряхле-

⁴ Р. Стойкерс. Место России в истории европейской дипломатии. – Взгляды Гер- 21

ния Священной римской империи германской нации, с одной стороны, и расширяющейся молодой Российской империи – с другой.

Гердер отмечал черты духовного декаданса на Западе задолго до своего великого ученика и последователя Гете. Во-первых, он отметил «особость» русских, их отличие от Запада как народа «восточного». Гердер характеризует русских чрезвычайно лестно (хотя речь идет о времени до появления на русской культурной сцене Державина, Жуковского, Пушкина), отмечая при этом русскую умственную подвижность, гениальную восприимчивость, широту охвата, талантливость, живость, отзывчивость, природное дружелюбие, твердость, упорство, а также несомненную внутреннюю противоречивость, излишнюю податливость внешним впечатлениям⁵.

Во-вторых, Гердер увидел в России то необходимое дополнение Западу, которое, как он надеялся, совместит рационализм и сердечность, энергию и эмоциональность, твердость воли и отзывчивость души. Гердер увидел в русских носителей высокой гуманности, чуткой совести, самоотверженного человеколюбия. Он предупреждал русских от втягивания во внутренние дрязги Запада, призывал их сохранить свою особенность и оригинальность.

Прибалтийское пространство Гердер рассматривал как сферу культурного общения и тем стал предтечей германского и славянского национализма. В 1789 году в статье, которую он написал во время своего путешествия из Лифляндии в Нант, Гердер утверждал, что Европа стареет, идет к упадку, что она истощила свой потенциал. В противоположность Европе Россия имеет преимущества и возможности. По мнению Гердера, с Россией надо работать, чтобы сделать из нее модель развития для остального человечества.

Особенное восхищение Россией сквозит в эссе Гердера «Петр Великий». Эссе впервые было напечатано в журнале «Адрастея» (Adrastea, Bd. 3, 1802. № 1), который Гердер начал издавать в 1801 году, незадолго до смерти, последовавшей в 1803 году. Приведем выдержки из эссе Гердера⁶:

«Если какой-либо монарх и заслуживает имя Великого, то это Петр Алексеевич; и, однако, как мало говорит это имя! Само по себе оно относительно, ограничено нашим взглядом на то, что выше или ниже; а в конечном счете, оно теряется среди величин бесконечно больших и бесконечно малых. Характеристических свойств личности это имя не передает. Русские монархи называют себя самодержцами; Петр же был не только самодержцем, но также и самоустроителем и домо-держцем своего Царства. Он был везде и во всем деятельным гением, который предписывал и творил, направлял и побуждал, вознаграждал и наказывал – повсюду в неустанном порыве он сам; никогда через него не действовал кто-то другой. Этот порыв, эта сила гения обнаруживает себя в его самых малых и самых больших начинаниях – обнаруживает в сочетании с умом, решительностью, а также справедливостью и человечностью, которые быстро возвращались к нему после приступов дикого гнева.

Очень быстро, уже при осаде Азова, он понял, как недостает его царству людей, владеющих умениями и ремеслами, которые необходимы как на море, так и на суше; отныне и до конца жизни это составило его главную заботу... и не отвергал без испытания ни одну новую идею. Он сам взялся за учение и предпринял два путешествия через Германию в Голландию, Францию и Англию, примечал все полезное, что встречалось ему в самых маленьких и самых больших городах.

Не зная усталости, он вел записи и делал зарисовки, знакомился с различными ремеслами и искусствами, приглашал лучших умельцев в свою Россию, в свой Петербург, – и ко

дера на Россию. http://cultoboz.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=227%3A2011-03-27-14-31-49&catid=49%3Amp6&Itemid=85&limitstart=2

⁵ Уткин А. И. Вызов Запада и ответ России. М.: Эксмо, 2005. 608 с.

⁶ <http://www.hrono.ru/proekty/metafzik/fk307.php>

всему стремился приложить свои руки. При заключении Ништадтского мира он дал своим посланникам задания, связанные с искусствами, ремеслами, ведением хозяйства и т. д. О выполнении этих заданий они должны были докладывать ему, а о ходе самих переговоров сообщать лишь Сенату!

На смертном одре он напоминал своей преемнице, что создание Академии Наук входит в число его последних, особенно важных для империи желаний».

Особенно актуально и сегодня звучат слова Гердера о выборе Петром Первым места столицы. И сегодня ведутся разговоры о переносе столицы России – то ли в Екатеринбург, то ли во Владивосток. Вот рассуждения Гердера:

«Позволю себе высказать идею, которая может показаться странной: если бы Петр, захватив Азов, решил именно там создать оплот для исполнения своих замыслов, стал бы именно оттуда реализовывать свои планы преобразований на суше и на море – насколько иной облик приняла бы Россия! Резиденция в прекрасном климате, в устье Дона, в самой счастливой точке его царства, из которой этот монарх мог бы управлять своими европейскими и азиатскими провинциями, как правой и левой рукой, противодействовать турецкой империи, находится в самом центре, где сходились старинные торговые пути трех частей света – да и четвертой части! Ведь еще с древнейших времен, сначала под властью греков, потом византийцев, генуэзцев – и даже под властью турок, татар и казаков эта область процветала благодаря торговле. Взгляд блуждает там, как в каком-то огромном саду, из которого и вправо и влево открываются ему провинции России. Берега Азова – это для России ключ ко всему миру, самая подходящая отправная точка. Отсюда гигантское русское царство могло бы извлекать всю необходимую пользу из Европы – не тяготясь ее близостью. И от каких усилий, от какого принуждения нации при строительстве Петербурга – не только после, но и посреди кровавых войн – избавил бы себя тогда Петр!

Но его первое европейское путешествие, в особенности голландский образ жизни, к которому Петр привык в Саардаме, направили его взор на Запад. Он хотел быть ближе к Европе, иметь гавань на Балтийском море и жить там по-соседски с голландцами и англичанами.

И Россия со всеми ее азиатскими провинциями устремилась к своей новой вершине на европейской оконечности государства. Санкт-Петербург, новый Амстердам, был основан».

Разрабатывая проекты для Восточной Европы и России, Гердер отводил особую роль прибалтийским государствам – в качестве пространства для общения между германской частью Европы и Россией. История подтвердила прозорливость мыслителя: его родина – Пруссия – стала (под началом Бисмарка) ядром объединенной Германии – Второго рейха, остзейские же немцы стали движущей силой Российской империи.

1.3. Россия и Германия: тогда и сейчас

Откуда наглость остзейских немцев

Одним из итогов наполеоновских войн была ликвидация малоизвестного русскому читателю государственного образования под названием Священная римская империя германской нации. Она существовала с 962-го по 1806 год и объединяла обширную территорию в Центральной Европе. Потом ее назовут Первым рейхом. После разгрома Наполеона, естественно, возникло движение за создание Второго рейха.

Далее, в лекции 4, мы будем говорить о немецком философе Иоганне Готлибе Фихте и его работе «Замкнутое торговое государство». Здесь же вспомним о другом событии, важном для поднятия германского национального духа. В период наполеоновского господства, зимой 1807/08 г., Фихте обнародовал свои «Речи к немецкой нации» (Reden an die deutsche Nation), в которых философ возвышенно и пламенно говорил о культурной миссии немецкого народа. Это произведение стало манифестом к объединению Германии после разгрома Наполеона.

В создании Второго рейха ключевую роль сыграл Отто фон Бисмарк (1815–1898). Он любил воевать, но был реальным политиком и последовательным сторонником сближения Германии и России. По поводу России Бисмарк сказал: «Тот, кто развязывает превентивную войну против огромной Царской империи, ставит себя в нелепое положение, как избирающий простейший способ «самоубийства перед страхом смерти». (Wer einen Präventivkrieg gegen das riesige Zarenreich vom Zaun breche, begehe, mokierte er sich, nur zu leicht «Selbstmord aus Furcht vor dem Tod».)

Во время Крымской войны Бисмарк противился попыткам Австрии провести мобилизацию германских армий для войны с Россией. Он стал ярким приверженцем Германского союза и противником австрийского доминирования. В результате Бисмарк стал главным сторонником союза с Россией и Францией (еще совсем недавно воевавших друг с другом), направленного против Австрии. Бисмарка отправили в Россию послом Германии (1857–1861). Общение с русским вице-канцлером Горчаковым оказало огромное влияние на его формирование как дипломата.

Вернувшись в Германию, Бисмарк провел череду войн за объединение германских земель: в 1864 году воевал с Данией по вопросу статуса Шлезвига и Гольштейна; в 1866 году после войны с Австрией к Пруссии отошли Гессен-Кассель, Нассау, Ганновер, Шлезвиг-Гольштейн и Франкфурт-на-Майне; после Франко-прусской войны (1870–1871) к Пруссии присоединились Эльзас и Лотарингия, королевства Саксония, Бавария и Вюртемберг.

В итоге Бисмарк добился реванша: 18 января 1871 года в Версальском дворце в Париже было провозглашено создание Второго рейха. Вильгельм I принял титул императора Германии. Сам Бисмарк на волне всеобщей популярности получил титул князя.

Бисмарк на посту канцлера Германии, 1871

Остзейские немцы внимательно следили за событиями в германских землях, набирались немецкого национального духа и... стали помышлять о создании немецкого государства в Лифляндии.

А что было в России

В России тем временем зреет революция. Прежде всего в Петербурге, и особенно в 1860-х годах. Столицу сотрясают студенческие волнения и массовые поджоги, идет брожение в царстве Польском, распространяются листовки с призывами к революции. Основным источником нигилистической пропаганды был журнал «Современник» и сатирическое приложение к нему – «Свисток». Руководители этих изданий – Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов – из-за цензурных ограничений не могли открыто призывать к социальной революции. Поэтому они сосредоточились на резкой (хотя и завуалированной) критике приверженцев эволюционного пути развития страны – в первую очередь в лице М. Н. Каткова и редактируемого им «Русского вестника».

Оппонентом Каткова стал еще один революционный демократ – А. И. Герцен (псевдоним – Искандер). Первоначально редактор «Русского вестника» видел Искандера своим союзником, ибо прекрасно понимал, какие богатые возможности для поощрения преобразований и воздействия в этом духе на общество и правительство имеет неподцензурный и популярный «Колокол», издаваемый в Лондоне.

Однако после освобождения крестьян пути «Колокола» и «Русского вестника» диаметрально разошлись. Если Катков приветствовал манифест об освобождении от крепостной зависимости 19 февраля 1861 года, то Герцен счел его несправедливым и начал всячески дестабилизировать обстановку в России, агитировал своих сторонников против правительства, призывал крестьян к восстанию и разрушению государства.

Из-за этого между Герценом и Катковым в 1862 году началась ожесточенная словесная война. Михаил Никифорович обвинил Александра Ивановича в том, что тот в угоду своим политическим фантазиям губит русскую молодежь, из комфортабельного лондонского далека провоцируя ее на «подвиги», кончающиеся каторгой. Редактор «Русского вестника» прозорливо предупреждал, что Герцен и его последователи пытаются превратить Россию в театр для коммунистических экспериментов, вообразив, что наша страна «позволит делать с собою что угодно, что она стерпит все, что оказалось нестерпимым для всех человеческих цивилизаций».

Для утверждения в общественном сознании положительных начал и идейного разгрома радикалов Катков прибегал к помощи лучших писателей – Достоевского, Льва Толстого, Тургенева, Лескова, которые регулярно печатали в «Русском вестнике» свои произведения. Первым залпом по нигилизму были «Отцы и дети», опубликованные Катковым в 1862 году. Вершиной литературного осмысления грядущих бед явились «Бесы» Достоевского (1872).

Но одних художественных сочинений было мало. С властями следовало говорить прямым текстом. И это удалось Каткову после того, как в 1862 г. он приобрел газету «Московские ведомости». После этого он действительно начал влиять на действия правительства. М. Н. Катков стал «великим стражем империи».

Тут уместно вставить реплику о Герцене – главном сопернике Каткова, о том, была ли вражда, которую «Колокол» разжигал к российским властям, основана на одном лишь патриотизме Герцена. Воспользуемся материалами книги Н. Старикова «Кто финансирует развал России»: как Ротшильд шантажировал русского царя⁷.

В 1847 году Герцен с семьей уехал за границу. Владелец тысяч крепостных крестьян, знаменитый публицист и писатель, Герцен жил безбедно на средства от своих имений. Когда же в Европе начались революции, Николай I призывает всех подданных вернуться домой. Герцен отвечает отказом, не действуют и неоднократные «предложения» и приказы вернуться. Тогда царь решает склонить своего мятежного подданного к послушанию экстраординарными мерами. «...Надо велеть наложить запрещение на его имение, а ему немедленно велеть воротиться», – пишет резолюцию монарх.

В течение года Герцен прятался: ни Министерство иностранных дел, ни русская миссия в Париже просто не могли найти бунтаря. Наконец русский консул в Ницце сумел передать ему царский приказ о возвращении. Отказ вернуться в письменном виде пришел через три дня. И российский суд накладывает арест на все имущество Герцена.

Но, оказывается, к тому времени Герцен успел продать свое имущество барону Ротшильду – богатейшему человеку Франции. Ротшильд выплатил деньги, а потом потребовал оплаты у русского контрагента, одного петербургского банкира. Тот ответил, что этого сделать не может: из-за запрета властей. И вот, вместо того чтобы просто запросить деньги назад у Герцена, барон пригрозил бойкотом России со стороны международных финансовых институтов! Петербургский партнер Ротшильда получил аудиенции у министра иностранных дел и министра финансов и заявил, что Ротшильд, мол, «советует очень подумать о последствиях отказа, особенно странного в то время, когда русское правительство хлопочет заключить через него новый заем».

В итоге Ротшильд получил все причитающиеся суммы, даже с процентами. Почему Ротшильд так поступил, остается загадкой. Если, конечно, забыть, что через небольшой промежуток времени именно Герцен становится первым «профессиональным» борцом с Россией, начав выпускать в Лондоне первые антирусские издания. Причем ровно накануне начала Крымской войны.

⁷ Стариков Н. Кто финансирует развал России. От декабристов до моджахедов. – pepper.at.ua/publ/13-1-0-444.

Рассказанная история с Герценом и Крымская война относятся к противостоянию между русскими и англичанами. Противостояние же между Россией и Германией разворачивалось позднее – в пору формирования объединенной Германии – Второго рейха. И ключевое место в этом противостоянии играли остзейские немцы. Их активизация в середине XIX века совпала с пробуждением национального сознания туземного населения – латышей. Приобщившись к немецкой культуре, в основном посредством движения гернгутеров (о чем позже), латыши тоже стали бунтарями и единственный путь спасения от средневековых порядков в Лифляндии увидели в сближении с Россией, что и придало остроту остзейской проблеме: на национальной почве столкнулись три силы – остзейские немцы, славянофилы и туземное население Прибалтийского края.

Как возникла идея Третьего рейха

Сама концепция Третьего рейха оформилась в кругу политиков, которые отстаивали дружбу между Россией и Германией. В 1923 году немецкий политический мыслитель Артур Мёллер ван ден Брук (1876–1925) использовал термин «Третий рейх» для названия своей книги. Он описал третий рейх как идеал грядущего немецкого государства, в котором сняты противоречия между Востоком и Западом. Он знал российскую культуру, был лучшим переводчиком на немецкий язык Достоевского.

Ван ден Брук с 1910-х годов стал убежденным сторонником *Ostorientierung* (восточной ориентации Германии). Он развил взятую у Достоевского идею «старых» и «юных» народов. К последним Ван ден Брук отнес русских и немцев, особенно пруссов, подчеркивая и прославляя их балто-славянский этнический компонент.

Ван ден Брук положительно оценил Октябрьскую революцию в России. Он отличал марксизм – «доктрину человека без страны и национальных корней» от большевизма – «русского по своей сути душой и сердцем». Ван ден Брук часто ссылался на Фихте и Фридриха Листа, сторонников автаркии, и вдохновлялся примерами средневековых гильдий. Геополитический реализм Ван ден Брука проявился в его утверждении:

Артур Мёллер Ван ден Брук (1876–1925) – немецкий писатель, переводчик Достоевского. Ввел в обиход понятие «Третий рейх»

«Только у Германии достаточно сил привлечь Россию в Европу. Без Германии Россия будет отнесена к Азии. Однако мы не можем отказаться от России. Она – Европа, христианская страна... Движение европейских сил, сначала обращенное к Западу, сегодня направляется на Восток. И Германия вновь движущая сила этого процесса».

Эти слова Мёллера Ван ден Брука стоит знать всякому политику и в России, и в Германии. Его книга «Третий рейх» вышла в то время, когда, согласно Рапалльскому соглашению (1922), развернулось военно-промышленное сотрудничество между Веймарской республикой и Советской Россией⁸.

История продолжается

А вот и новейшее сообщение «Медведев и Меркель в Екатеринбурге» (15 июля 2010 г.): *«В Екатеринбурге проходит 12-й раунд межгосударственных российско-германских консультаций. Дмитрий Медведев и Ангела Меркель провели встречу с представителями деловых кругов двух стран, а также приняли участие в итоговом заседании российско-германского форума «Петербургский диалог».*

Дмитрий Медведев предложил немецким предпринимателям модернизировать российские предприятия, в том числе и бывшие федеральные государственные унитарные предприятия (ФГУПы). Об этом он заявил сегодня в Екатеринбурге на встрече с канцлером Германии Ангелой Меркель и представителями деловых кругов России и ФРГ.

Участники форума представили проект общего российско-германского учебника. Лидеры двух стран приветствовали его создание. «Это очень важно, с учетом того что

⁸ Кантор Ю. З. Заклятая дружба, секретное сотрудничество СССР и Германии в 1920—1930-е годы. – СПб.: Питер, 2009.

наша история не была простой – она была очень разнообразной и периодами очень драматической», – сказал Д. Медведев. «Очень важным является духовный диалог. И в российском, и в германском обществах существуют нравственные ценности, основанные на христианских корнях. И, конечно, это и дальше будет объединять нас, помогая в решении самых разных вопросов современной жизни», – подчеркнул президент России.

«Считаю, что проект разработки общего учебника истории – очень интересный и важный проект. Когда есть возможность совместно писать историю – это уже тот уровень, когда не существует больше предрассудков и препятствий на пути знакомства друг с другом. Поэтому этот проект нельзя недооценивать», – отметила, в свою очередь, Меркель».

Программу участия Германии в модернизации России инициировал в 2008 году Франк-Вальтер Штайнмайер, бывший министр иностранных дел. В 2010 году программа «Партнерство для модернизации» стала общей для Европейского союза и Российской Федерации.

Отметим, что Германия вновь обрела статус центрального государства Европы – после крушения берлинской стены и объединения двух Германий. ФРГ перестала быть западной окраиной Европы, а стала центром большой Европы от Атлантики до Урала. На Урале и далее Германия нашла крупный рынок для применения своих знаний и рабочих рук. И, кстати, пускать туда других Германия не собирается. Эти экономические связи, надо думать, имеют долговременную основу, так как еще долго Германия на 40 % будет зависеть от российского газа, а Транссибирская железная дорога – служить самым коротким маршрутом между Европой и Китаем.

Германские корпорации вовлечены в выполнение проекта «Урал промышленный – Урал Полярный», о котором В. В. Путин объявил на Саммите G8 в Санкт-Петербурге в 2006 году. Этот проект имеет давнюю историю: к освоению восточных склонов Уральского хребта призывал еще Витте более ста лет назад.

Проект «Урал промышленный – Урал Полярный» является крупнейшим в концепции развития Российской Федерации до 2020 года и оценивается в 12–14 млрд. долларов. Проект предусматривает, в частности, разведку, изучение и эксплуатацию месторождений полезных ископаемых, строительство железных дорог, объектов электроэнергетики. Будут созданы компании, добывающие золото, кварц, хром и т. д. В ходе реализации проекта будет создано более 60 тыс. рабочих мест. Будут построены железнодорожные ветви Обская – Полуночное и Надым – Лабытнанги, автомобильная дорога, соединяющая Ивдель Свердловской области с границей Ханты-Мансийского округа. В рамках проекта вдоль транспортного коридора будут построены также генерирующие мощности, предполагается возвести несколько электростанций, работающих не на дорогом газе, а на угле, запасов которого в том районе огромное количество.

Лекция 2

Переход латышей в «русскую» веру – несвоевременный почин

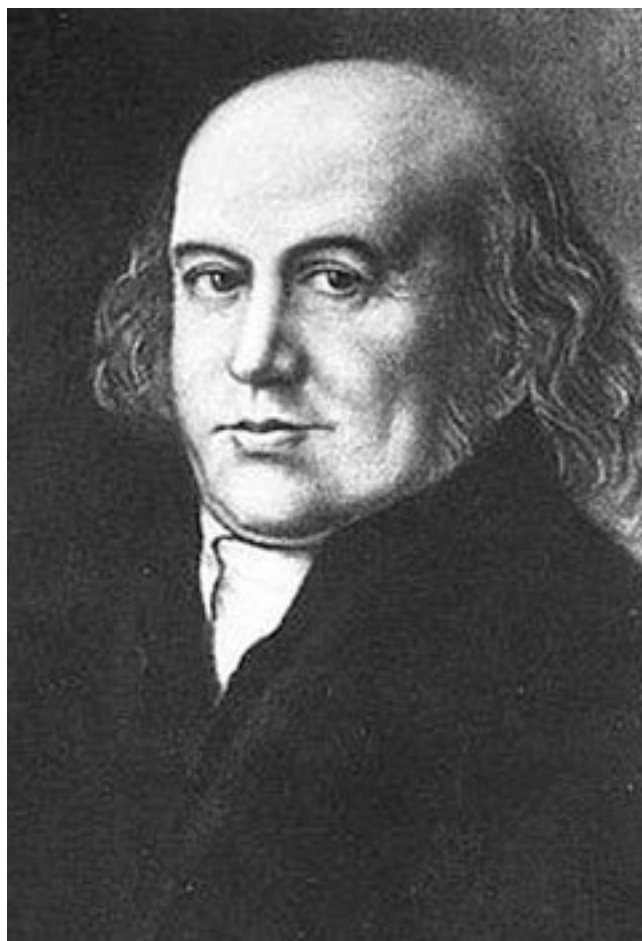
2.1. Как созревал бунтарский дух

Гарлиб Меркель – свидетель одичания латышей

Гарлиб Меркель (1769–1860) – латышский писатель (так нередко пишут, хотя, по правде говоря, писатель он немецкий, а если смотреть на него как на российского подданного, то это типичный бунтарь-разночинец). И просветитель он не латышский, а немецкий. Он действительно просвещал немцев, и это «просвещение» им очень не нравилось.

Родился Г. Меркель в семье лифляндского лютеранского священника. Тут и вырос, с детских лет был знаком с жизнью народа. Русские разночинцы, как известно, вдохновлялись Герценом, Меркель же увлекся Вольтером. В 1796 году в Лейпциге он, студент медицинского факультета, печатает на немецком языке свой, ставший знаменитым труд *«Латыши, особливо в Ливонии, в исходе философского столетия»*⁹. В этой работе Г. Меркель ярко и беспощадно показал ужасающее положение, в котором пребывали латышские крестьяне. «Латышский народ стал тем, до чего унизили его палачи, – безжизненным орудием их корыстолюбия, – писал Г. Меркель. – У него отняли свободу, землю, прирожденные права. Сама жизнь каждого латыша в отдельности не имеет другого достоинства, кроме того, которое дает ему покупная цена. В убийстве такого существа, как латыш, и совесть, по-видимому, уже не упрекает разбойника рыцаря».

⁹ Die Letten, vorzüglich in Livland, am Ende des philosophischen Jahrhunderts, 1797 (на русск. яз. в извлечениях в «Русском архиве», 1870, см. Меркель Г. Латыши, особливо в Ливонии, в исходе философского столетия // Чтения в обществе истории и древностей российских. – М., 1870. – Кн. 1. – Отд. IV; на латышском языке только в 1905 г. и уже в наше время: Merķelis G. Latvieši, sevišķi Vidzeme, floszofskā gadsimteņa beigēs. – R., 1953).

Гарлиб Меркель (1769–1860) – немецкий просветитель из Лифляндии

О туземном населении – латышах – Гарлиб Меркель пишет безжалостно. Он считал, что «вообще рабская пугливость и недоверие – самые выдающиеся черты в характере ливонского крестьянина. За 30 шагов, проходя мимо помещичьего дома, он снимает шляпу и приседает (нельзя сказать, кланяется) при всяком взгляде на помещика. Потом он крадется, понунив голову, чтобы поцеловать у него кафтан или ногу. Если тот заговорит с ним, он подозревает при всяком вопросе своекорыстную хитрость и отвечает двусмысленно».

Ненависть в соединении с горьким отвращением – единственное сильное чувство, к которому способны совсем угнетенные сердца. Тысячью разных способов латыш высказывает это чувство к своим притеснителям. Крестьяне столетиями свыклись с презрительным словом «lops» (быдло), чем помещики клеймили латышей. Зато у самих латышей не было более ненавистного слова, чем «немец». Этим словом пугали непослушных детей, обзывали бодливую корову. «Немец!» означало все спесивое, алчное, злое, словом, все ненавистное.

По мнению Меркеля, склонность к пьянству – другая общая черта латышского народа. Матери с нежным самоотвержением разделяют поднесенный им стакан водки со своим грудным ребенком. Между взрослыми мужчинами и женщинами редкие не напиваются сплошь по воскресеньям, особенно после святого причастия.

Подводя итог антинемецким настроениям латышей, Гарлиб Меркель заключает, что в случае «общего восстания ни одна немецкая нога не уйдет отсюда». (И это случилось в значительной мере, но через сто лет – в 1905 году, а потом в Первую мировую войну. И красные латышские стрелки, похоже, оттуда.)

Книга «Латыши» вызвала бурю возмущения среди помещиков Лифляндии. «Уверяют, что рижский магистрат скупил все издание и уничтожил его», – писал Ю. Ф. Самарин¹⁰ в то время, когда Меркель доживал свой век в неизвестности.

Особенную ненависть остзейцев вызывал лейтмотив трудов Меркеля: единственный путь развития Прибалтийского края он видел в единении с Россией. Заметим, что он первым в Прибалтийском крае открыто проповедовал такую мысль. Пусть на немецком и для немцев, но это было неприемлемо категорически, и Меркелю пришлось на 10 лет уехать из Лифляндии. По возвращении писатель занимался публицистикой, историей края, фольклором. К концу жизни, в 1820 году, по хлопотам прорусской части администрации, Александр I наградил Гарлиба Меркеля пожизненным содержанием, а остзейцы – титулом «русский льстец» и... полным забвением.

Приведем два фрагмента из жизни в ту эпоху. Первый иллюстрирует жестокость нравов и то, как жестко остзейцы их сохраняли. Речь пойдет об Андрее Баллоде – крепостном жесточайшего лифляндского барона А. Ф. Ганенфельда, который своим зверским обращением вошел в историю края, по горькому стечению обстоятельств из-за этого мы и знаем относительно много о судьбе Андрея Баллода. Историю Ганенфельда подробно изложил Ю. Ф. Самарин¹¹, пользуясь, надо думать, архивными материалами:

Колодки позора (kauna sieksta – по-латышски) находились перед киркой. Перед воскресной проповедью в них заковывали провинившихся крестьян, после проповеди публично пороли. Сохранились до середины XIX века (Реставрация, Музей поселка Усма, Курляндия)

«Помещик фон Ганенфельд прославился своей свирепостью; он засекал людей, забивал их в кандалы и скованных заставлял молоть на ручной мельнице, многих крестьян разогнал, других довел до самоубийства, между прочим старостина жена, которая, схватив под руки

¹⁰ Самарин Ю. Ф. Сочинения. Т 7, с. 41.

¹¹ Самарин Ю. Ф. Окраины России. Сер. I, вып. 4, Берлин, 1876, с. 47.

малолетних детей своих, с ними вместе утопился. Следственная комиссия, наряженная ландратскою коллегией, заключила взять имение в опеку, из доходов выдать вознаграждение разоренным и изувеченным крестьянам. Это происходило в 1799 году. Но Ганенфельд поскакал в Петербург и добился в 1800 году сенатского указа об отмене решения ландрата. Торжествующий помещик вернулся в свое имение и продолжал распоряжаться по-прежнему. По новым на него жалобам в 1805 году вторично возбуждено было дело о его злоупотреблениях, благодаря настойчивости А. И. Арсеньева, председателя одной из комиссий по лифляндским крестьянам».

Андрей Баллод имел бунтарский дух, за что и платил. Его пороли у позорного столба. Его унижали, и потомки отразили это в эпитафии, что в вольном переводе с латыни звучит так: «Жил недолго и скромно, но много горя и зависти узнал».

Другой фрагмент истории – об ассимиляции туземного населения. В эпоху Меркеля проходила ассимиляция, и не было свидетельств противному. Только единицы из латышей получали образование, но при этом они неизбежно становились немцами. Судьба первых образованных латышей свидетельствует об отсутствии национального духа. За первые сто лет после присоединения Лифляндии к Российской империи (1710–1810) высшее образование получили 10 латышей. Все они онемечились, ушли из родных мест и остались незамеченными в Латвии. Наибольшего успеха достиг К. Крауклинг (1792–1893). 30 лет он был директором Дрезденского королевского исторического музея. За это же время в высшей школе обучалось 3000 балтийских немцев, хотя по численности они составляли около 8 % населения. В первой половине XIX века число обучающихся латышей возросло раз в десять, но это не отменило тенденцию онемечивания. Только она стала очевидной, поскольку часть образованных псевдонемцев (при переводе с латышского – ивовый немец, а точнее, липовый) осели у себя на родине.

И в заключение экскурса в эпоху Меркеля приведем рассуждения, почему же латыши не растворились. Похоже, что от ассимиляции латышского населения немецким элементом нас спасло вмешательство России. Сначала это была Ливонская война (пусть неудачная для России), что прервало господство немецких баронов, затем Северная война и победа Петра Первого, когда Лифляндия вошла в состав Российской империи.

А если бы этого не было, то возможным сценарием несостоявшейся истории Прибалтийского края могло быть повторение судьбы пруссов, которую изучал латышско-русский археолог Ф. В. Баллод¹².

Она весьма поучительна. Франц Баллод, работая в Москве, заинтересовался судьбой уже вымершего балтского племени – древних пруссов. Пруссию крестоносцы завоевали в XIII веке. Латышей, по всей видимости, ожидала похожая судьба, не будь российского вмешательства. Баллод пишет:

«В 1308 году Орденом были изданы первые законы, которые, между прочим, запрещали немцам даже говорить с пруссами по-прусски и не позволяли пруссам занимать в своей стране какие-либо должности... В 1525 году было новое восстание пруссов... В эпоху Реформации, в 1545 и в 1561 гг., издавали катехизисы на прусском. Но через 100 лет уже не чувствовалась надобность в подобных изданиях: в 1684 году Гартнох пишет, что нет больше селения, где бы еще говорили по-прусски, и что будто только кое-где старые люди еще понимают прусский язык».

Так было истреблено древнее балтское племя пруссов. На это потребовалось 400 лет. А ведь к моменту завоевания в начале XIII в. пруссы имели более развитую государственность, чем ливы или латыши. И чтобы их истребить, потребовались определенные репрес-

¹² Баллод Ф. В. Некоторые материалы по истории латышского племени с IX по XIII ст. Зап. Моск. археол. ин-та. Т. 9, 1911, 1—125.

сивные меры – запрет прусской речи, запрет поступления на службу. Относительно же ливов и латышей истребление и онемечивание проходило значительно спокойнее.

Гернгутеры – невольные учителя бунтарей

Речь пойдет о событиях древних, о бунтарях из Чехии, от которых пошли названия: гуситы, табориты, моравские братья, богемские братья, гернгутеры. Туристам сегодня Прагу рекламируют как золотую Прагу. И не без оснований. Благодаря своим серебряным рудникам Богемия в XIV и в начале XV века представляла собою одну из самых богатых стран Запада. Ее столица Прага была значительным культурным центром¹³. Но развитие денежного хозяйства обострило отношения между хозяевами предприятий и капиталистами и ремесленниками, помещиками и крестьянством. Развивавшееся национальное сознание сталкивалось с немецким засильем во всех областях жизни, в том числе и в церкви. Немцы были общим врагом для всех слоев чешского общества. В этой атмосфере и развивалось гуситское движение, движение против папской тирании, а также против немецкого господства, против онемечивания чехов.

Гуситы – так назывались последователи Яна Гуса, родом из Чехии. Он ревностно проповедовал реформу римской церкви в XV веке: не папа, а только Христос есть глава Вселенской церкви. Ян Гус 6 июля 1415 г. был живым сожжен на костре. После геройской смерти Гуса началась ожесточенная многолетняя война.

Гуситы собирались на горе Табор, оттуда пошло название «табориты». Там, под открытым небом, они совершали богослужение, и вскоре там возник целый укрепленный город того же имени, существовавший на коммунистических началах. Гуситские войны длились долгих 20 лет. Гуситы сделались ужасом для немцев, наносили им страшные поражения. Только в 1434 году католики одержали победу над таборитами, после чего гуситы рассеялись по миру.

Богемские братья – это секта, которая образовалась из уцелевших гуситов в 1457 году. Последний «епископ» богемских братьев – основоположник современной педагогики Ян Амос Коменский (1592–1670). Теснимые отовсюду, они долго кочевали по Европе; наконец в 1722 году нашли себе приют в Саксонии, в поместье графа Л. Н. Цинцендорфа, где основали селение Гернгут, от которого их и называли гернгутерами. Цинцендорф был избран председателем общины. Но братья подвергались гонению со стороны лютеранского духовенства, и саксонское правительство выслало из страны Цинцендорфа. Только через 10 лет, в 1750 г., когда гернгутеры согласились принять лютеранство, Цинцендорфу позволили возвратиться.

¹³ В период правления Карла IV (1346–1378) столица Священной Римской империи переместилась в Прагу.

Эмблема Моравской церкви (гернгутеров)

Немецкая почтовая марка 2000 года изображает покровителя гернгутеров графа Цинцендорфа, проповедующего индейцам

Вскоре по возникновении своем гернгутерство явилось также в пределах России, именно в Прибалтийском крае. В 1730-е годы в Лифляндии началось *гернгутерское движение «братских общин»*. В 1729 году в Ригу прибыли первые миссионеры-гернгутеры, их приютила Магдалена Элизабета фон Галларт (1683–1750), владелица имения в Валмиере. В 1736 г. в Лифляндию приехал сам граф Цинцендорф. Он посетил Валмиеру, в результате было решено организовать школу (учительскую семинарию) с целью из самой же крестьянской среды готовить учителей (точнее, помощников проповедников). Школа начинает работу в 1738 году – первое заведение по подготовке учителей для крестьянских школ на территории Российской империи. До 1743 года тут прошло обучение около 130 слушателей, разбравшихся по всей Лифляндии и начавших преподавать в сельских школах.

Но эту деятельность быстро пресекли: лютеранская церковь выступила против гернгутеров. В 1743 году генерал-губернатор Лифляндии объявляет движение опасным, «подрывающим устои церкви и благосостояние общества»; учреждается особая комиссия пасторов и немецких помещиков для проверки деятельности гернгутерских общин. Власти предъявляют требование запретить движение, «чтобы церковные права не были ущемлены, вредные отчуждения и раскол были прекращены и чтобы других людей утратить и отпугнуть от таких недозволенных начинаний». Немецкие миссионеры-гернгутеры были высланы из Российской империи, и руководство общинами фактически перешло к крестьянам – латышам.

Движение возродилось в 1817 году, при Александре I: царь издает указ, разрешавший деятельность общин («Письмо о милости гернгутеров»); становится очевидно, что существование общины уже неизбежно, заметна ее положительная роль в улучшении материальной и бытовой жизни крестьян, укреплении морали и трудолюбия среди членов общин.

Цель общества гернгутеров есть составление Божьей семьи, и, следовательно, не столько догмат, сколько нравственность, не столько просвещение ума, сколько образование сердца. Богослужбные собрания у гернгутеров бывают ежедневно. Они совершаются в светлом зале, в котором покрытый зеленым сукном стол служит престолом, продолжаются полчаса и состоят из бесед, толкований Библии, чтения образцовых биографий и рассказов о миссионерских трудах в языческих странах, молитвы и пения духовных гимнов. В воскресные дни совершается полное церковное богослужение и говорится проповедь. В одежде и пище гернгутеры соблюдают величайшую простоту. Общественные игры допускаются только самые невинные; игральные карты и кости не встречаются ни в домах, ни в гостиницах.

В середине XIX века возобновились гонения на гернгутеров. Первые ограничения последовали в 1834 году: для строительства и открытия нового молельного дома требовалось личное дозволение министра внутренних дел. Проповедовать теперь могли только имеющие теологическое образование пасторы (ординированные епископом из Гернгута). В 1839 году особым указом ограничивается деятельность гернгутеров: воскресные проповеди могли проходить только в восьми определенных местах, молельных домах поблизости от проживания немецких пресвитеров, состоявших в общине. Остальные – так называемые латышские батюшки – имели право только читать тексты, прошедшие цензуру, петь песни из официально разрешенных книг.

В 1840-х годах преследования со стороны пасторов, наконец, дошли до крайних пределов; и... Давыд Баллод со своей братской общиной перешел в православие. Началось массовое движение в «русскую» веру.

Ю. Ф. Самарин о сути гернгутерства

Рассуждения Ю. Ф. Самарина о сути гернгутерства¹⁴ поможет читателю войти в духовный мир крестьян, подскажет мысль о том, что за переходом в православие стоял не только земельный вопрос, что для нас, выросших в эпоху советского атеизма, кажется первейшим и бесспорным.

Покуда лютеранская церковь *«погружена была в мертвый сон»*, братчики, как богемских братьев называет Юрий Федорович, оживили в народе религиозный смысл и благочестие. К ним пристала *лучшая часть* поселян, самые богатые и способные, сравнительно с другими наиболее развитые нравственно, в том числе большинство должностных крестьян, как то: судьи, нарядчики, смотрители, учителя и церковные старосты. Это отпадение от веры *лучших* более всего оскорбляло самолюбие пасторов. Благодаря составу общин они получили в Лифляндии исключительно местный характер, вовсе им чуждый в других землях, именно характер *национального*, полурелигиозного, полусоциального учреждения, к которому народ привязался всею душою, признавая его вполне своим, – характер, которого не имело и не имеет официально господствующее лютеранство. Иными словами: в среде провинциальной церкви образовалась в первый раз действительно *народная церковь*, и чем быстрее росла и крепла последняя, тем ощутимее падала и разлагалась первая.

Сплетенная гернгутерскими диаконами сеть социальнорелигиозных учреждений раскинулась по всей Лифляндии; около 1819 года насчитывалось до 144 общин и более 30 тысяч членов, в том числе начальствующих: немцев, прибывших из-за границы, 44, а туземцев 1000; впоследствии число общин возросло до 250, а число членов – до 50 тысяч. Лютеранской церкви угрожала видимая опасность опустеть вконец и превратиться в ненужный сосуд, лишенный всякого содержания. Правда, гернгутеры не напрашивались на явный с нею разрыв и оказывали ее служителям внешнее уважение, но это происходило от полного к ним пренебрежения. Гернгутеры отбили у церкви ее народ и отняли у народа его церковь. Не только в кругу общин, но и в массе сельского народонаселения, не вошедшего в их состав, укоренилось убеждение, что общины стоят бесконечно выше церкви, что церковь многого не имеет, что, между прочим, ей недостает благодати, которой она потому не может и передавать своим членам, что служители ее не более как своего рода чиновники и что вообще духовное просвещение и забота о душах – вовсе не их дело. Едва ли когда-нибудь какой-либо церкви доводилось признаваться в более полном сознании своей немощи.

Понятно, что в таком положении простое чувство самосохранения должно было, наконец, вызвать лютеранское духовенство на решительную борьбу. Вникнув в свое незавидное положение, оно прежде всего нашло нужным подкрепить себя полицейскими средствами.

Все это Ю. Ф. Самариным извлечено из книги доктора Теодора Гарнака¹⁵. Автор долго жил в Лифляндии, занимал довольно видное место в тамошней иерархии, принимал живое участие в ее борьбе с гернгутерами, принадлежал к числу самых строгих и последовательных их противников, наконец, написал свою книгу по поручению особой комиссии, учрежденной Лифляндским провинциальным синодом в 1852 году, и, следовательно, пользовался всеми местными материалами. Надобно прибавить, что суждения автора о гернгутерстве как учении свидетельствуют о глубоком понимании сущности христианства и что, сравнительно с другими изданиями балтийского происхождения, труд его отличается редкой добросовестностью в изложении фактов. Видно искреннее желание быть беспристрастным, выдержанное настолько, насколько это вообще возможно в сочинении, издаваемом с целью

¹⁴ Самарин Ю. Ф. Окраины России. Русское Балтийское поморье. Сер. 1. Вып. 3. – Берлин, 1871, с. 42.

¹⁵ Harnack T. Die Lutherische Kirche Livlands und die Hernhuterische Brudergemeinde. Erlangen, 1960.

явно полемической и в защиту дела, далеко не безусловно правого. Автор сумел даже уберечься от воинственных заявлений против России и православия.

По мнению Самарина, деятельность гернгутеров напоминает раннее христианство. Он пишет:

«Как все сектанты, в разные времена мечтавшие о восстановлении будто бы исчезнувшей с лица земли апостольской церкви, гернгутеры рабски подражают своему идеалу, воспроизводя в своем кругу преимущественно те случайные формы общения, которые в частном и общественном быту апостолов обуславливались тогдашнюю историческую обстановкою горсти христиан, затопленных иудейством и язычеством. У них бывают разного рода собрания, так называемые часы (Stunden), частью открытые для всех, частью более тесные, доступные одним избранным. Эти собрания посвящаются чтению, молитве, пению, назидательным беседам, обсуждению разных предметов, касающихся нужд и пользы отдельных лиц или всего общества, принятию новых членов, исключению недостойных, нравственному исправлению сомневающихся или падающих, даже совершению таинств: крещения, приобщения к полугласной исповеди с омовением ног. К вопросам собственно догматического свойства гернгутеры вообще относятся безразлично».

Религия как мировоззренческая матрица народа (по Кара-Мурзе)

Массовый переход латышей в «русскую» веру, стихийная, неорганизованная смена религий – это является уникальным событием не только в российской, но и в мировой культуре. Как нам его оценить? Были ли тут только потаенные мысли о материальных благах, о приобретении «клочка земли», что являлось в то время самым главным для сельского жителя? Я и сам лично, воспитанный на марксизме и атеизме, не могу отрешиться от мысли, что мой прадед, родом из глубинки Лифляндии, переходя в православие против воли барона и пастора, вряд ли был движим одним религиозным чувством. Вообще нашему поколению, далекому от религиозного воспитания, трудно говорить о душевных мотивах. Правда, наука и религия – это две родственные сферы, трудно сочетающиеся. Скорее, вера в познаваемость мира и есть религия ученого.

Выше я уже привел рассуждения Ю. Ф. Самарина, крупнейшего российского теолога-философа, а сейчас перейду к пересказу рассуждений нашего современника – Сергея Кара-Мурзы¹⁶. Он начинает с учения Маркса:

«Людей старших поколений у нас долго обучали кое-чему из марксизма. Маркс утверждал: «Критика религии – предпосылка всякой другой критики». Можно перефразировать, что «критика религии – предпосылка всего учения Маркса». Ибо учение Маркса и было новой религией. Марксизм отрицает конструктивную роль религии в создании и сохранении народов, и это утверждение является ошибочным. Религия (шире – религиозное мировоззрение) – ключевая часть мировоззренческой матрицы, на которой собирается народ.

Религия не отделяет человека от общности, а совсем наоборот – соединяет его с нею. Религия всегда была средством господства (то есть создавала «вертикальные» связи между людьми), но она же связывала людей и в «горизонтальные» общности (народы). Даже на пороге Нового времени, когда народами двигали антирелигиозные настроения, Ф. Бэкон называл религию «главной связующей силой общества».

Именно в религиозном сознании возникла важнейшая связующая людей сила – коллективные представления. Они не выводятся из личного опыта, а вырабатываются только в совместных размышлениях, и были первой в истории человека формой общественного

¹⁶ Кара-Мурза С. Матрица «Россия». М.: Алгоритм, 2010, С. 82.

сознания. Поэтому религиозные первобытные представления сыграли ключевую роль в этногенезе – соединении людей в племена, а затем и народы.

Религия порождает специфические для каждого народа культурные нормы и запреты, а также и понятия об их нарушении (грехе). Это связывает людей в народ. Ведь именно присущие каждому народу моральные (шире – культурные) ценности и выражают его идентичность, неповторимый образ.

Религия соединяет людей в народ не только общими ценностями, но и ритуалами, которые связывают космологию с устройством общества. Ритуал – «символический способ социальной коммуникации», его первая функция – укрепление солидарности людей и психологическая защита общества. В ритуальном общении преодолевается одиночество людей, укрепляется чувство принадлежности к целому, через ритуал разрешается внутренний конфликт между желаниями и запретами. Религия мобилизует и присущее каждому народу видение истории, и художественное сознание. Возникает духовная структура, занимающая исключительно важное место в мировоззренческой матрице народа, дает ему, по словам Тютчева, «предчувствие неизмеримого будущего».

И завершает Кара-Мурза свои рассуждения о воздействии религии на исключительную роль православия в формировании России:

«Христианство во всех его ветвях сыграло важнейшую роль в становлении европейских народов, включая народы России. Русский же человек «создан Православием». В зависимости от того, как формировалось религиозное ядро народа, предопределялся ход его истории на века. Бережное введение христианства в Киевской Руси было важным условием для собирания большого русского народа».

Как курляндские евреи «сагитировали» латышей

Сейчас можно указать два источника слухов о переселении в «теплые края». Во-первых, в 1837–1841 годах под руководством генерала П. Д. Киселева было учреждено Министерство государственных имуществ, в обязанности которого входило попечительство над государственными крестьянами, т. е. теми, которые жили на казенных землях и пользовались отведенными наделами. Новое министерство организовало переселенческое движение из губерний перенаселенных и обедневших с целью освоения казенных земель, в том числе из Псковской губернии, откуда, видно, и просочились слухи, хотя на Лифляндию эти меры тогда не распространялись. Не распространялись, видимо, и на Курляндию, что предопределило провал начинания Х. Валдемара по переселению курляндских крестьян в Новгородскую губернию, о чем рассказ впереди.

Польско-литовское государство до разделения (1772)

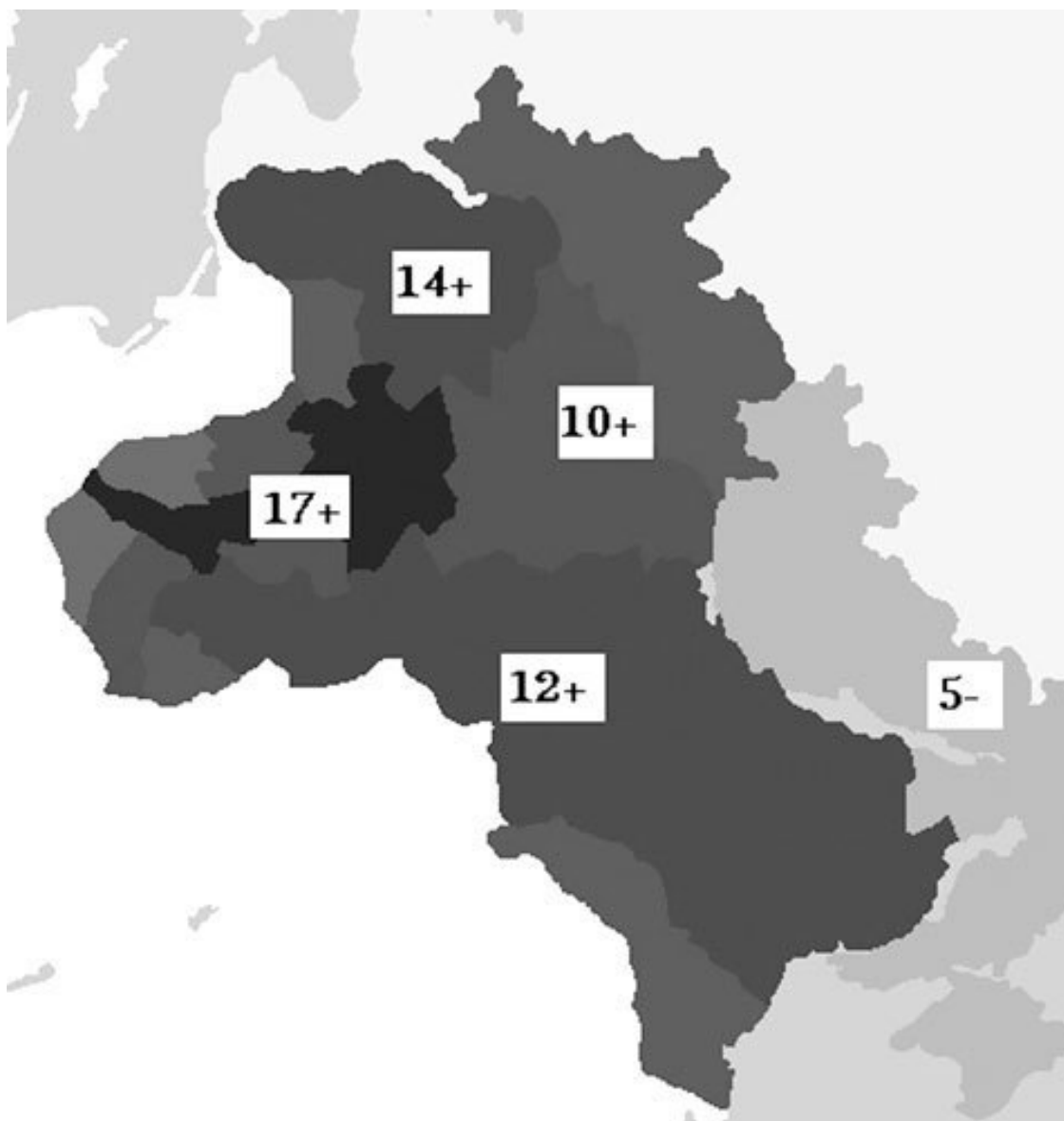
Вторым источником слухов могло послужить переселение евреев Митавы. Это давно забытая история – как гонения евреев в Лифляндии подсказали бедным, безземельным латышским крестьянам, что где-то в теплых краях на юге России дают землю. Если уж евреям разрешали переселяться в теплые земли, да еще с пособием от казны, то почему об этом не мог мечтать свободный, но безземельный латышский крестьянин?

Три раздела Польши между Россией, Пруссией и Австрией: I – 1772, II – 1793, III – 1795

Переселение евреев из Курляндии представляет собой важное событие для истории Прибалтики 1840-х годов, поэтому остановимся на этом факте подробнее.

В XVII веке, когда Лифляндия находилась во власти шведов, король Густав Адольф запретил евреям заниматься торговлей и проживать на его территории. Только в области Пилтене, принадлежащей брату датского короля Магнусу, жили и работали евреи. С 1571 года им было позволено приобретать недвижимость, строить и покупать дома. Они имели те же права, что и местные частные собственники. В 1585 году область Пилтене перешла в руки польского короля, но благоприятные для евреев законы оставались в силе. Выгодные условия привлекли торговцев и ремесленников из соседних областей и Германии. Так началась история евреев на территории Латвии.

Черта еврейской оседлости (указана доля евреев в населении губерний)

Причиной переселения был быстрый рост числа евреев в Митаве после введения черты еврейской оседлости: в Курляндии евреям селиться было разрешено наряду с другими землями, отошедшими к России после третьего раздела Польши в 1795 г.

Вот что пишет Юлий Гессен¹⁷:

«В 1827 году митавские христиане – купцы и ремесленники – возбудили просьбу об ограничении числа евреев в городе: в связи с этим власти первоначально задумали удалить из всего края всех тех евреев, которые переселились сюда из других губерний; затем этот широкий план был несколько сужен – решили удалить лишь тех, кто не был зарегистрирован последней переписью, но число их оказалось столь значительным, что пришлось сделать новую уступку».

Просьбу купцов и ремесленников Митавы царь удовлетворил. Потом последовали и другие постановления по Курляндии¹⁸. Ю. Гессен подробно разбирает, как создавались огра-

¹⁷ Гессен Ю. История еврейского народа в России. Т.2, 1926, С.44–45.

¹⁸ ПСЗРИ. Собр 2. № 2884 (1829 г.), 4591 (1831 г.), о жительстве в Лифляндии – 15126 (1841 г.).

ничительные законы о жительстве евреев в России¹⁹. Мы остановимся подробнее на событиях, которые предшествовали введению черты оседлости.

Правление Анны Иоанновны ознаменовалось суровыми репрессиями по отношению к евреям. В 1740 году она подписала указ о высылке евреев из Малороссии. 2 декабря 1742 года именным указом Елизавета потребовала «высылки всех жидов как из Великороссийских, так и Малороссийских городов, сел и деревень, с их имуществом»²⁰.

Однако, как пишет Ю. Гессен, это мероприятие не было осуществлено. Интересы не только отдельных лиц, но и государства требовали присутствия евреев как торгово-промышленного элемента, и едва Екатерина II заменила Елизавету на престоле, после насильственной смерти Петра III, вопрос о евреях был без всякого промедления вновь возбужден.

Для привлечения евреев в страну Екатерина II обратилась к конспиративным действиям: без всякого официального акта евреи были признаны жителями и купцами Новороссии. Это произошло при таких обстоятельствах. В апреле 1764 г. Прибалтийскому генерал-губернатору Броуну доставили в Ригу документ за подписью императрицы: «Если будут рекомендованы от опекунства иностранных несколько купеческих людей новороссийской губернии, то им позволить жительство иметь в Риге... Сверх того, если из Митавы будут три или четыре человека, которые пожелают ехать в Петербург для некоторых требований, имеющихся на короне, дать им паспорта, не упоминая их наций... а писать только в паспортах имена их, а чтобы знать их, то должно, чтобы они имели письмо от находящегося здесь купца Вульфа».

Уже в мае того же года при содействии Бруна из Митавы были отправлены в Петербург семь евреев. Канцелярия уведомила Бруна, что Новороссийский край должен быть населен иностранцами; дело доставки их туда поручено трем «новороссийским купцам»: Давиду Леви Бамбергу, Мозесу Аарону и Бери Бенъямину.

Из этого сообщения ясно следует, что все дело сводилось к тому, чтобы через посредство уполномоченных лиц в Новороссию были переселены евреи под видом иностранцев, без афиширования их происхождения, так как закон 1762 года запретил въезд в страну евреям.

Несколько лет спустя, в 1773 году, когда Екатерине II больше не нужно было считаться с общественным мнением, она в письме к известному энциклопедисту Дидро откровенно заявила, что в 1764 г. евреи были объявлены купцами и жителями Новороссии.

Известие о том, что в Петербурге занялись вопросом о допущении евреев в страну, стало вскоре известно рижанам. И в Риге появились не только те трое евреев, которые были рекомендованы канцелярией опекунства, но и многие другие. Евреи стали прочно обустраиваться в Риге. Но так как рижских привилегий нельзя было нарушать, то государыня придумала другой ход: в 1785 году предоставила евреям право селиться в поселке Шлок, лежащем вблизи Риги (сейчас это часть города Юрмала и называется Слока). Евреям разрешили записываться в местные купеческие и мещанские сословия, что не нарушало привилегии Риги: в поселке Шлок таковых не было.

Важнейшее событие произошло в 1894 г. – после третьего раздела Польши: указ императрицы «позволив евреям отправлять мещанские и купеческие промыслы в губерниях: Минской, Изяславской, Брацлавской, Полоцкой, Могилевской, Киевской, Черниговской, Новгородской-Северской, Екатеринославской и в области Таврической, собирать... подати вдвое противу положенных с мещан и купцов христианского закона разных исповеданий». Так законодательно оформилась черта оседлости, но за исповедание нехристианской веры с евреев брали двойные налоги.

¹⁹ Гессен Ю. Закон и жизнь. Как создавались ограничительные законы о жительстве евреев в России. – СПб, 1911.

²⁰ www.jewishpetersburg.ru/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=57#ja11

Кроме того, из-за приезда в Курляндию евреев из Польши численность еврейского населения значительно возросла. Страх перед новым изгнанием побудил некоторых евреев Митавы составить петицию от имени 60 еврейских семей, «предки которых жили в Митаве». Они просили разрешить постоянное жительство в городе их семьям (в то время в Митаве уже проживало 200 еврейских семей). Петиция была в 1794 г. передана городской комиссией на рассмотрение ландтагу. Однако ландтаг не успел обсудить предложение, так как 16 марта 1795 г. Курляндское герцогство было присоединено к России и образовало Курляндскую губернию.

Основными занятиями курляндских евреев в то время были торговля и нелегальное посредничество, а также винокурение, аренда питейных заведений, ремесленничество, корабельничество. Пребывание евреев в губернии (за исключением территории Пилтенского округа) не имело законного основания.

Согласно Положению о евреях 1804 г., указ Екатерины II от 1791 г. об ограничении права жительства евреев (фактически ставший началом законодательства о создании черты оседлости) не распространялся на Лифляндскую и Курляндскую губернии. Однако по требованию бюргеров Сенат постановил, что закон от 1799 г. относится лишь к евреям, проживавшим в Курляндии до его издания. Таким образом, Лифляндская и Курляндская губернии не вошли в состав черты оседлости.

Положение также предписывало выселить за черту оседлости евреев, не прописавшихся в последней ревизии, и запрещало переселение в указанную губернию евреев из других областей. Эти постановления стали основным законом, определившим права еврейского населения Курляндской и Лифляндской губерний, и оставались в силе на всем протяжении периода господства России в Латвии.

Приведем еще фрагмент еврейской истории. В пояснительной записке от 13 сентября 1841 года на имя начальника жандармов Л. В. Дубельта читаем: «В Курляндской губернии оказалось таких еврейских семейств, которые продали свои имущества в намерении следовать в Сибирь для поселения, 350. Они все уже находятся в Херсонской губернии и водворяются там с пособием от казны». В других книгах по истории Латвии сообщается, что из-за неблагоприятного экономического положения в 1840-х годах свыше двух с половиной тысяч евреев из Курляндии переселили на юг России.

Представьте себе, что за агитационное действо устроили власти для туземного населения. Две с половиной тысячи евреев – это каких-то более 600 повозок. И так они вереницами несколько раз тянулись через Лифляндию в обетованные теплые края. Как тут было бедному латышскому крестьянину не мечтать о лучшей участи! Не удивительно, что по волостям, которые располагались вдоль той дороги в Россию, больше всего народу потом переходили в «русскую» веру.

2.2. Свидетели движения латышей в «русскую» веру

Переход лифляндских крестьян в «русскую» веру стал крупнейшим в 1845–1848 годы событием в Российской империи. Как о нем рассказать? Попробуем это сделать через биографии известных людей. Прежде всего введем в наше повествование двух молодых русских, чья судьба привела в Ригу в то смутное время, но жизненный путь которых разительно отличается. Это Ю. Ф. Самарин – наиболее интересный и важный свидетель тех событий. Не только свидетель, но и активнейший участник – уже в 1860-е годы. А второе лицо – П. А. Валуев, будущий министр внутренних дел Российской империи. Активным участником событий был и остзейский генерал-губернатор А. А. Суворов. На борьбу с бесправием крестьян свою жизнь отдал Х. М. Валдемар – наиболее видный из латышей XIX века.

Ю. Ф. Самарин

Юрий Федорович Самарин (1819, Петербург – 1876, Берлин) – русский публицист и философ. Происходит из богатого и древнего рода Самариных-Квашниных (более древнего, чем род Романовых); в 1844 году окончил философский факультет Московского университета.

В 1847 году Ю. Ф. Самарина направили в Ригу делопроизводителем в составе комиссии Министерства внутренних дел. Задачей комиссии была ревизия городского управления Риги. Самарин со свойственным ему интересом к истории изучил городские архивы и выпустил на основе этого исследования работу «Общественное устройство города Риги» (СПб., 1852). Наряду с этим по поручению генерал-губернатора Головина Самариным были рассмотрены протесты немецких помещиков по поводу якобы насильственного обращения крестьян Лифляндии и Эстляндии в православие.

Ю. Ф. Самарин в молодости

Под конец своего пребывания в Риге Самарин написал «Письма об Остзейском крае». Цель, с которой он взялся за перо, высказана им в письме к близкому ему человеку И. С. Аксакову в апреле 1848 года:

«Систематическое угнетение русских немцами, ежечасное оскорбление русской народности в лице немногих ее представителей – вот что волнует во мне кровь, и я тружусь для того только, чтобы привести этот факт к сознанию, выставить его перед всеми. Немцы нас победили. И после мы повторяем в своих учебниках: Остзейский край завоеван, Остзейский край присоединен к России. Мне кажется, Россия присоединена к Остзейскому краю и постепенно завоевывается остзейцами. В Остзейском крае получили власть остзейские дворяне. А это неправильно. Потому что русские в этом крае стали подданными не царя, а местных корпораций».

По приезде в Петербург Самарин представил в рукописи свои «Письма об Остзейском крае» министру внутренних дел, как своему начальнику. Однако письма эти получили огласку и возбудили негодование немецко-остзейской партии, а также тогдашнего остзейского генерал-губернатора князя Суворова. «Остзейская партия» добилась того, что, по истребовании от Суворова объяснения, признанного неудовлетворительным, Самарин был по высочайшему повелению посажен в Петропавловскую крепость.

17 февраля 1849 года И. С. Аксаков сообщал родным: «письма до сих пор возбуждают сильную злобу немцев, везде прославляющих Самарина или шпионом правительства, или опасным, вредным либералом...». 6 марта он писал: «Дела идут плохо: немцы торжествуют, и Самарин сидит...». Однако «уже в том польза, что эти письма будут прочтены тем, кому их прежде всех следует знать». Как впоследствии писал Б. Э. Нольде, лучший биограф Сама-

рина: «Никто никогда до того не говорил в России таким языком об остзейских делах и русской государственной миссии в прибалтийском крае»²¹.

После 12-дневного заключения, 17 марта 1849 года, в 9 часов вечера явился к нему в крепость фельдъегерь и повез его в Зимний дворец. Император Николай I сделал ему строгое внушение за разглашение того, что считалось, по тогдашним понятиям, канцелярскою тайною, и за возбуждение вражды немцев против русских, но обошелся с ним милостиво. По мнению Николая I, книга Ю. Самарина подрывала доверие к правительству, обвиняя его в том, что оно национальные интересы русского народа приносит в жертву немцам. Русский царь защитил немцев, сказав следующее:

«Вы укоряете целые сословия, которые служили верно; начиная с Палена, я мог бы высчитать до 150 генералов. Вы хотите принуждением, силою сделать из немцев русских, с мечом в руках, как Магомет, но мы этого не должны, именно потому, что мы христиане. Вы писали под влиянием страсти... Вы пишете, если мы не будем господами у них и т. д., т. е. если немцы не сделаются русскими, русские сделаются немцами; это писано в каком-то бреду; русские не могут сделаться немцами; но мы должны любовью и кротостью привлечь к себе немцев».

Царь закончил свою речь словами: «Теперь это дело конченное. Помирился и обнимемся. Вот ваша книга, вы видите, что она у меня и остается здесь».

Холод казематов Петропавловской крепости, личной тюрьмы царя, остудил пыл молодого правдоискателя, но диссидентом он остался на всю жизнь, а к остзейским делам Самарин вернулся через двадцать лет, о чем расскажем позже.

Самарин умер 19 марта 1876 года в Берлине, где печатали шестой выпуск «Окраин России». Нелепая смерть – гангрена после незначительного пореза пальца. Похоронили Самарина на родине – в Москве, на кладбище Даниловского монастыря²².

П. А. Валуев

Петр Александрович Валуев (1815, Москва, – 1890, Петербург) – родился в старинной дворянской семье. Получил прекрасное домашнее образование. В 1831 году поступил на службу в канцелярию московского генерал-губернатора, где сумел обратить на себя внимание приехавшего в Москву Николая I, назвавшего Валуева «примерным молодым человеком». Женился на дочери поэта князя П. А. Вяземского, в доме которого встречался с А. С. Пушкиным, стал прототипом Петруши Гринёва в повести «Капитанская дочка».

В 1845 году Валуев был назначен чиновником особых поручений при рижском генерал-губернаторе. Благодаря связям, трудолюбию, знанию иностранных языков, умению говорить и писать официальные бумаги, но всего более благодаря искусному лавированию между противоположными течениями он сделал блестящую карьеру. В 1853 году был назначен курляндским губернатором. В 1855 году, во время Крымской войны, Валуев написал записку: «Дума русского» и разослал ее в рукописи высокопоставленным лицам, считавшимся сторонниками реформ. В этой записке он доказывал, что у нас «сверху блеск, снизу гниль», подверг критике негодную систему государственного управления и предлагал царю изменить существующее положение, но не замечал главное зло, обуславливавшее все остальное, – крепостное право.

Записка обратила на себя внимание: великий князь Константин Николаевич официальным приказом по морскому министерству сослался на эту «весьма замечательную записку»

²¹ Нольде Б. Э. Юрий Самарин и его время. М.: Эксмо, 2003. С. 54.

²² Когда во время правления Горбачева Даниловский монастырь вернули церкви, я посетил монастырь и пытался отыскать могилу. Мне показали церквушку, в которой, мол, когда-то были захоронения семейства Самариных — Квашниных, но они не пережили советское время.

и, приведя из нее несколько крупных выдержек, предписывал «сообщить эти правдивые слова тем лицам и местам морского ведомства, от которых в начале будущего года мы ожидаем отчетов за нынешний год».

В 1861–1868 годах Валуев был министром внутренних дел (с именем Валуева еще встретимся, говоря о судьбе студента Петра Баллода). В 1862 году Валуев добился передачи цензуры в его ведомство. И. С. Аксаков писал: «Никогда цензура не доходила до такого безумия, как теперь, при Валуеве. Она получила характер чисто инквизиционный».

П. А. Валуев (1815–1890) – губернатор Курляндии в 1853–1858 гг.

В 1872 году был назначен министром государственных имуществ. Во время управления Валуева министерством в широких размерах шла раздача даром или за ничтожную цену казенных (башкирских) земель в Уфимской губернии. В 1876 году Валуев издал в Берлине, за подписью «Русский», брошюру «Русские заграничные публицисты», где вел резкую полемику с Самариным.

А. А. Суворов-Рымникский

Александр Аркадьевич Суворов, граф Рымникский, князь Италийский (1804–1882) – внук генералиссимуса Суворова. Воспитывался за границей, начал службу юнкером в лейб-гвардии Конном полку; с отличием участвовал в персидской кампании; во время турецкой войны 1828 года находился при особе государя; позже командовал Фанагорийским полком; в 1848 году назначен ливонским, эстляндским и курляндским генерал-губернатором. На этой должности Суворов пробыл 14 лет и сделал много полезного для края, особенно в торгово-промышленном отношении, но подвергался упрекам в излишней снисходительности

и даже слабости к немцам. В 1861–1866 годах Суворов был назначен Санкт-Петербургским военным генерал-губернатором²³.

А. А. Суворов-Рымникский (1804–1882) – генерал-губернатор Прибалтийского края в 1848–1861 гг.

Х. М. Валдемар

Христиан (Кришьянис) Мартынович Валдемар (1825, Курляндия, – 1891, Москва) похоронен на Большом кладбище в Риге) – российский общественный деятель латышского происхождения, публицист и экономист. В возрасте 24 лет он поступил в Елгавскую гимназию, а затем – в Тартуский (Дерптский) университет, где изучал народное хозяйство.

²³ Сохранились следы пребывания Суворова-Рымникского в Рижском замке. Во второй половине XVI века, после ликвидации Ливонского ордена, в Рижском замке находилась резиденция польских (1578–1621) и шведских (1621–1710) наместников и генерал-губернаторов, а в 1710–1917 годах – постоянное место пребывания русского генерал-губернатора и подчиняющихся ему административных учреждений. В Голубом салоне Рижского замка, где сейчас рабочее место секретаря президента Латвийской республики, находятся две замечательные картины: портрет генерал-губернатора князя Александра Суворова-Рымникского (1848–1861) и копия работы Карла Брюллова «Иван Крылов». (Оказывается, баснописец И. А. Крылов некоторое время (1801–1803) служил в Рижском замке секретарем генерал-губернатора князя Сергея Голицына.)

Х. М. Валдемар (1825–1891)

В судьбе Х. М. Валдемара существенным оказалось участие остзейского генерал-губернатора князя А. А. Суворова. Об удивительной судьбе Валдемара пишет Б. Инфантьев²⁴:

«Трудно сказать, какими побуждениями вызван этот интерес и стремление Суворова помочь Валдемару, стремление непрестанно следить за его продвижением по жизненной лестнице. Но результатом стало и гимназическое образование 25-летнего переростка, и его абитурия в Дерптском университете, и личная рекомендация губернатора, открывшая настежь перед Валдемаром двери всех самых высоких учреждений Петербурга, вплоть до канцелярии генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича. Все сулило головокружительную карьеру преуспевающему чиновнику, если бы не его непрерывающиеся заботы и хлопоты за национальное пробуждение своего угнетенного народа».

После окончания университета, работая чиновником российского Министерства финансов в Петербурге, в 1862–1865 годах с единомышленниками – младолатышами – издавал газету «Петербургас авизес» («Петербургская газета») на латышском языке. Х. Валдемар опубликовал ряд работ по вопросам государственного хозяйствования, в которых уделил большое внимание созданию торгового флота. Работами Х. Валдемара заинтересовалось российское правительство, ему была поручена разработка планов развития судоходства в России. По инициативе Х. Валдемара в Латвии было организовано семь мореходных училищ, которые готовили капитанов и штурманов для кораблей торгового флота. Газета критиковала немецких помещиков, требовала ограничить их привилегии, выступала за призна-

²⁴ Инфантьев Б. Ф. Кришьян Валдемар и остзейский вопрос // Труды семинара SEMINARIUM HORTUS HUMANITATIS. <http://shh.neolain.lv/seminar23/alm5.infvold.htm>. Тут уместно сказать несколько слов об авторе материалов о Х. Валдемаре. Борис Федорович Инфантьев (1921–2009) – латвийский языковед, историк. Родом из Резекне, моего родного города, из известной семьи староверов. Удивительно, что он сумел обнаружить принципиально новые материалы о личности, о которой в Латвии написаны многие десятки работ.

ние прав латышского народа и латышского языка. Немецкое дворянство добилось закрытия газеты. Х. Валдемар избежал ссылки по чистой случайности. Переехал в Москву, сотрудничал с Катковым и его «Московскими ведомостями».

2.3. Хроника событий

Еще раз о положении крестьян

В Лифляндии крепостное право отменили в 1819 г. – значительно раньше, чем в остальных губерниях России. Заметим, что это по срокам совпало с отменой крепостного состояния в германских государствах; первыми раскрепостили крестьян в Бадене в 1783 году, последними – в Ганновере в 1831 году. К отмене крепостничества в Остзейском крае готовились давно. Еще в 1804 г. Александр I утвердил «Положение о лифляндских крестьянах», которое основано на изданных в конце XVII века (незадолго до присоединения Прибалтийского края к России) распоряжениях шведского правительства об охране крестьян. Закон 1804 года определял размеры наделов крестьянской земли и, соответственно, размеры барщины и оброка в зависимости от доходности земли, что смягчило удел крепостных крестьян.

Закон 1804 года появился усилиями прогрессивного остзейца Фридриха Сиверса (1748–1823). Может быть в меньшей степени, чем Меркель, но Сиверс тоже из-за своих либеральных взглядов подвергался гонениям со стороны собратьев. Внедрение Закона 1804 г. царь поручил специально созданной ревизионной комиссии, во главе которой в мае 1805 года назначил Арсеньева, упомянутого выше по делу Ганенфельда.

Арсеньев, по-видимому, являл собой светлую личность в царской администрации, и остзейцы его невзлюбили. Арсеньев обнаружил, что Закон 1804 года защищает только хозяев – арендаторов помещичьей земли. Хозяев в Лифляндии тогда было менее 25 тысяч, в то время как батраков насчитывалось 300 тысяч. Арсеньев предложил проект изменения закона с учетом интересов батраков. Но не тут-то было. Уже сам Закон 1804 года был как бельмо в глазу для остзейцев. Однако Арсеньев был своевольным и направил в 1806 году свой проект царю. На том карьере чиновника и закончилась, его уволили. В. В. Чешихин²⁵ с горечью добавляет, что в истории даже не сохранились сведения – откуда Арсеньев родом и чем жизнь кончил. Письма Арсеньева к графу Кочубею, министру внутренних дел, сохранившиеся в архивах, показывают, что он был явно незаурядной личностью. Но пошел против остзейцев и... бесследно исчез.

Первый проект освобождения крестьян разработали дворяне Эстляндии. Александр I утвердил его 23 мая 1816 года в качестве закона. Аналогичный по сути проект представили дворяне Курляндской (утвержден 25 августа 1817 года) и Лифляндской (1819) губерний. К сожалению, это важнейшее преобразование не улучшило, а скорее ухудшило положение крестьян. Крестьяне объявлялись лично свободными, но свобода передвижения и выбора занятий была ограничена. Вся крестьянская земля осталась неотъемлемой собственностью дворянства, члены которого были записаны в местные дворянские книги. Помещик мог указать или не указать крестьянину участок земли, а если и указал, то диктовал свои условия на основании «свободного договора». Крестьянам приходилось беспрекословно принимать все условия помещиков, т. е. освобождение крестьян фактически превратилось в экономическую кабалу.

Местная судебная и административная власть также находилась в руках помещиков. Крестьянам негде было искать защиту. Судьи приходские и судьи высших судов были немцы, члены рыцарской корпорации. Даже для вступления в брак крестьяне должны были испросить разрешение у помещика. О школах для крестьян помещики также не заботились, ибо

²⁵ Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края/Под ред. Е. В. Чешихина. – Т. 1, Рига, 1878.

закон предоставлял самим крестьянам право учреждать волостные и приходские школы. А откуда у них средства?!

Положение крестьян было чрезвычайно тяжелым, и часто происходили крестьянские волнения. Единственным духовным убежищем стала церковь. Но она служила и местом унижений. Возле церкви (кирхи) стояли позорный столб и скамья для порки, там каждое воскресенье после богослужения истязали провинившихся. А неподалеку от кирхи, как правило, помещики строили трактиры (корчмы), там спаивали крестьян. Сами пасторы тоже были подневольными. Пастор как словом, так и делом должен был жить в согласии с помещиком, если он дорожил своим местом. Так и сложилось, что ненависть, которую крестьянин питал к помещику, он переносил на пастора и кирху.

Через сто лет после присоединения Остзейского края к России православие еле теплилось²⁶. В 1800 году в ведении Рижского духовного правления находилось 18 церквей и 16 290 православных прихожан (менее 1 % населения). Правда, понемногу обустроивались: в 1814 году был образован приход при кладбищенской церкви Всех Святых в Риге, в 1818 году – при кладбищенской Покровской церкви. В 1825 г. построен храм Александра Невского (на улице Бривибас, бывшей Ленина, перед тем Адольфа Гитлера, а еще раньше – при царе – Александровской).

1841 год и судьба епископа Иринарха

1841 год был неурожайным, и так уж случилось, что ситуация с русской верой в корне изменилась. Голодные крестьяне не в силах были работать, и... их стали чаще пороть. Пороли на работе и в волости, у позорных столбов и на черных скамьях у кирхи. Пороли без меры, и чаша терпения переполнилась. Голодные крестьяне толпами направлялись в Ригу искать защиты и опоры. Собирались в Риге у замка генерал-губернатора Палена. Тут их опять пороли и гнали прочь. Некоторых посадили в тюрьму, других под конвоем вернули в волости. Несчастных крестьян объявляли мятёжниками и опять пороли.

9 июня 1841 года группа искателей защиты и справедливости забрела к православному епископу Иринарху. Благо, его резиденция находилась в переулке от замка. Иринарх был первым православным епископом в Риге. Его назначили в 1836 году. Жил он скромно и в жизнь губернии не вмешивался. Но голодных крестьян принял, принял по-христиански, накормил и дал милостыню. Такое обращение епископа привело в изумление посетителей. Они впервые встретили барина, который не ругался, не угрожал побоями, а обращался с ними как с людьми. Весть о добром русском епископе скоро разнеслась по Лифляндии.

²⁶ www.pareizticiba.lv/index.php?newid=54&id=34

Епископ Рижский Иринарх (1790–1877), на Рижской кафедре в 1836–1842 гг.

Проследим развитие событий по материалам архивного дела из фонда жандармерии «О крестьянах Венденского уезда Лифляндской губернии, изъявивших намерение переселиться в другие места»²⁷.

Дело начинается 19 июня 1841 года с рапорта находящегося в Лифляндии подполковника корпуса жандармов Кирша шефу жандармов графу Бенкендорфу. Кирш сообщает о сделанном ему заявлении 30 крестьян с желанием переселиться куда угодно: «Побудительные к тому причины, как крестьяне объявили мне все единогласно: голод и совершенное расстройство, происходящее от обременительной барщины». Не успел барон Пален выполнить команду Бенкендорфа – провести «строжайшее разыскание без промедления времени», «арестовать писаря Лукина», согласно рапорту Кирша, читавшего «публикации правительства о намерении поселить крестьян в теплом климате», как последовал второй рапорт Кирша, от 3 июля, все о том же желании переселиться в южные страны, которое изъявили 172 крестьянина.

15 июля Пален сообщает Бенкендорфу, что «велел публично наказать палками некоторых явившихся, обнаруживших особое упрямство, и для большего действия такого остерегательного примера я приказал всем сим людям обрить часть головы». Пален распорядился объявлять в церквях о необоснованности слухов о переселении. Однако это не возымело действия. Народ буквально повалил в Ригу.

И уже в июле того же года крестьяне расхрабрились до того, что подали епископу Иринарху около 30 коллективных прошений от имени нескольких тысяч крестьян. Епископ растерялся. Иринарх пояснял, что в прошениях затронуты мирские вопросы, а он, как служитель церкви, ничем помочь не может, кроме как передать их представителям высшей светской власти. Что же до перехода в православие, у кого желание искреннее, то их просьбы

²⁷ ГФРФ, ф. 109, оп. I, д. 132, 1841 г.

могут быть удовлетворены согласно церковным законам. Прошения о присоединении к православию Иринарх препроводил обер-прокурору Синода графу Протасову. Тут уж исполнились остзейцы. Весть о том, что Иринарх принимает от крестьян прошения и препровождает их в Синод, сильно взволновала помещиков. В этом они усмотрели нарушение так называемых «аккордных пунктов», хотя к тому времени условия договора петровских времен об особых привилегиях остзейской знати изменились, так как уже в 1832 году Николай I издал закон, который разрешал жителям Прибалтийских губерний переходить в православие. Помещики почувствовали большую опасность: если епископ станет на сторону крестьян, они смогут доводить до сведения высшей власти свои жалобы на жизнь в провинции. Православная же церковь находилась вне сферы влияния помещиков. Приняв православие, которое опиралось на русскую государственную власть, крестьяне не только обрели независимость в сфере религии, но могли использовать его как орудие борьбы против власти помещиков. И местное дворянство начало отчаянно нападать на Иринарха. Его положение было сложным. Быструю поддержку от государственной власти он не мог получить, ибо высшим представителем верховной власти в Риге был генерал-губернатор Пален, а он всецело стал на сторону помещиков. Первым делом они постарались строго изолировать самого Иринарха. Вокруг его резиденции установили полицейские посты. Направляющихся к епископу крестьян ловили и жестоко пороли. Наказывали даже горожан, которые показывали путь к епископу. Пален лично просил епископа не принимать просителей крестьян, но тут, однако, Иринарх наотрез отказался. Тогда Пален, при посредстве шефа жандармов графа Бенкендорфа, также лифляндского дворянина, просил Николая I принудить Иринарха принимать только те просьбы крестьян, которые касаются вопросов веры.

Пален организовал в Вендене (Цесис) следственную комиссию, которая ему сообщала: «По всему округу распространился злой дух упрямства, и дело дошло до того, что брожение крестьян нельзя уже ликвидировать мирным путем, ибо тайное брожение грозит вылиться в бунт, разрушение и кровопролитие». Пален доносил в Петербург, что сам Иринарх и его духовенство являются зачинщиками крестьянских волнений и что духовенство готовит крестьян к переселению в «теплые края». При поддержке Бенкендорфа Пален схватку все же выиграл. 5 октября 1841 года епископа Иринарха под надзором увезли из Риги. Его назначили во Псков, но повезли окольным путем – через Митаву и Шаули, дабы крестьяне Венденского уезда епископа не отбили. Тем самым переход в русскую веру был приостановлен.

Достоин удивления мужество крестьян, которые в присутствии своих суровых господ говорили послам царя: «Мы ничего другого не желаем, как быть одной веры с царем и быть только под властью царя». Трудно поверить, что в уме у них не теплилась надежда на облегчение своей участи, надежда на получение земли где-то в теплых краях, но нет тому доказательств в архивных документах.

Пален потребовал от правительства прислать войска, дабы усмирить непокорных. И случай применения войск нашелся. Карательную экспедицию послали в Яунбебренскую волость, где крестьяне отказались выдавать агитаторов, призывавших будто бы к мятежу. А бунт состоял всего лишь в том, что на картофельном поле обозленный мужик пошел с колом на урядника. Урядник с испугу ускакал, а имя бунтаря крестьяне отказались называть. Пален потребовал войск. Прислали семь рот солдат, сорок казаков с двумя пушками. Устроили полевой суд, 108 бунтарей прогнали сквозь строй, мужчин по нескольку раз (били шомполами), многих сослали в Сибирь²⁸. «Слава Богу, теперь, кажется, все хорошо окончилось, по крайней мере на сей раз», – так писал шеф жандармов граф Бенкендорф генерал-губернатору Палену. Защитники немецкого дворянства решили, что опасность миновала, ибо кре-

²⁸ В латышской литературе это событие описано как «картофельный бунт», см. Krodznieks J. Zemnieku nemieri 1841. gadā.

стьяне были напуганы карательными экспедициями и военными судами. Но оказалось, что события 1841 года не уничтожили бунтарский дух крестьян. А деятельность епископа Иринарха вселила в сознание крестьян надежду, что не все власть имущие смотрят на крестьян как на рабочий скот.

Епископ Рижский Филарет (1805–1866), на Рижской кафедре в 1842–1848 гг.

В 1842 году в Ригу прибыл заместитель Иринарха – епископ Филарет (был до того ректором Духовной академии). Он занял выжидательную позицию: как бы не вышло, как с Иринархом, как бы местное дворянство его не выгнало. Но как только Филарет прибыл в Ригу, у его квартиры стали толпиться просители крестьяне. Кроме латышей, у дверей епископа начали появляться и эсты (из эстонской части Лифляндской губернии). Генерал-губернатор Пален послал царю обширный доклад, в котором переход латышей в православие освещал как революционное движение. Епископ Филарет же добился того, что в Петербурге была учреждена особая «комиссия по балтийским делам», а для выяснения местных условий правительство несколько раз присылало ревизоров. Они доносили, что немцы вводят правительство в заблуждение. Тем самым постепенно изменялась ситуация и в Петербурге: сам царь, правительство, русское общество и пресса переменили свои взгляды на балтийский вопрос. Поменялась и власть: в 1844 году Бенкендорфа не стало. Его сменил граф А. Орлов.

Звездный час Давыда Баллода

Начало движению было положено 27 февраля 1845 года прошением Рижской гернгутерской братской общины. Инициатором обращения был Давыд Баллод, сын дворохозяина из Мадлиены, в дальнейшем рукоположенный в священники²⁹. Из разъяснений, которые

²⁹ Эти события подробно описал Гаврилин А.: «Латышский священник Иаков Михайлов» // Православие в Латвии. Исторические очерки: – Сб. статей под ред. А. В. Гаврилина. – Рига: Филокалия, 2007. С. 11–27.

Баллод дал полковнику военного министерства К. Ф. Опочнину, следует, что все началось с конфликта гернгутерской общины с немецкими пасторами Ширеном и Трейем. Гернгутеры подали прошение епископу Рижскому о позволении собраний для молитвы. Как пишет Опочнин:

«Просьбу сию епископ от них принял и дал латышские книжки православного богослужения, молитвы и катехизис, чтобы их посмотрели, как они понравятся. По прочтению оных он спросил их: не хотят ли принять русскую веру? Они отвечали, что если позволят иметь братские собрания для молитвы и по братским книгам, тогда они примут русскую веру <...> Они просили о церкви, и Преосвященный хотел о постройке оной представить высшему начальству. Они также просили, чтобы позволено было поставить скамейки в русской церкви и звонить в колокола на оба края. После сего они остались тем довольны и перешли в русскую веру и присоединились охотно, без всякого принуждения и без всяких ожиданий за то каких-либо земных выгод – только ради молитвы».

Более подробное описание этих событий дает Валуев, почти очевидец, так как появился в Риге через год после случившегося: «В 1844 году с разрешения лютеранского пастора Трея (рижские гернгутеры) наняли на Московском форштадте комнату для своих собраний и молебствий, о чем пастор Трей объявил 15 сентября в Иоганкирке своим прихожанам, приглашая их собираться в эту комнату для чтения божественных книг и пения молитв с условием не приходить туда без него, читать только те книги, которые он сам назначит, и не собирать денег, ибо, по словам его, один из них, отставной солдат Карл Эрнст, вызвался на собственные деньги нанять комнату, латышский крестьянин Баллод – доставить безвозмездно скамьи, и сам Трей обещал приносить свечи.

Впоследствии гернгутеры начали служить в этой комнате по субботам вечерни и по воскресеньям утрени в отсутствие Трея и собирали деньги на содержание молельни. Пастор Трей, узнав об этом, приказал за неделю до Рождества запереть комнату и запретить гернгутерам их собрания. Вследствие сего 24 января 1845 года 121 человек обратился к православному епископу, он отказал в церкви, тогда они подали о переходе»³⁰.

Так начался 1845 год, год латышского национального пробуждения. Этот год сопровождала бурная деятельность правительственных органов, начиная от царя и Синода и кончая губернскими властями. В архиве П. А. Валуева сохранилась «Опись распоряжений правительства о переходе крестьян в православие»³¹, содержащая перечень 56 документов за 1845–1846 годы: о самом присоединении, устройстве церквей, пасторских повинностях, участии православных в судах и т. п.

Изложим события 1845 года по материалам архивного дела «О движении лифляндских крестьян для присоединения в православие»³², используемого, по-видимому, впервые. 6 марта 1845 года прибалтийский генерал-губернатор барон Пален обращается к шефу корпуса жандармов графу Орлову: «1-го сего марта в Рижскую градскую полицию явились одиннадцать человек лютеранского вероисповедания с объявлением, что они с семействами своими намерены присоединиться к православной греко-российской церкви.

Если вышеупомянутое прошение будет удовлетворено, легко могут возобновиться волнения и замешательства именно между здешними поселениями, как было в 1841 году, и происходящая из того для общей тишины и порядка опасность увеличится еще чрез существующую ныне в губернии нужду, по случаю бывшего в прошлом году неурожая».

Из прошения, поданного 27 февраля 1845 года, мы узнаем, что первые 7 человек в списке – это отставные офицеры и унтер-офицеры, а последние четыре:

³⁰ ГАРФ. Ф. 908, оп. I, д. 60, л. 54.

³¹ РГИА. Ф. 908, оп. I, д. 60, л. 157.

³² ГАРФ. Ф. 109, оп. I, д. 133.

8. Рижский житель крестьянин Давыд Андрей Баллод.
9. Рижский мещанин Карл Бертуш.
10. Рижский мещанин Андж Меддни.
11. Рижский житель крестьянин Микель Пильведер.

Тем временем, пока обращение Палена было еще в дороге, рижские власти стали обрабатывать упорствующих в смене веры, и делали это весьма успешно. Через три дня – 9 марта – барон Тидебель, правитель канцелярии Палена, смог послать вдогонку первой бумаги другую, из которой явствовало, что первое письмо отправлять вовсе не следовало: «По предписанию генерал-губернатора, здешнее полицейское управление вчера приступило к засвидетельствованию известной доверенности 11 человек просителей. При сем случае только один, отставной солдат Карл Эрнет, безусловно объявил, что желает перейти в православную веру; другой здешний житель Баллод объявил, что и он намерен перекреститься, если богослужение греко-российское будет производиться на латышском языке, так как он не твердо знает русский язык; все же прочие объявили, что они вовсе не намерены перекреститься, а остаются в лютеранской вере, но они желают иметь помещение для молебствий во всякое время, ежедневно, как это водится у гернгутеров; сверх того они просили об утверждении школы, чтобы их дети могли обучаться латышскому и русскому языкам».

Давыда Баллода в полиции допрашивали три раза, а он все настаивал на своем: «намерен перекреститься», чем и положил начало великому движению.

Напора властей испугался Филарет, и 13 марта 1845 года он пишет в Синод:

Все эти дела и множество других обстоятельств убеждают меня в том, что дело это надобно совершенно оставить в будущность. Уверяю совестью моею, что против такого ожесточения немецкой стороны, какова оно теперь есть, ничего сделать нельзя. Иначе выйдет то, что епископа выгонят из Риги.

Но ситуация в Петербурге была не та, что в 1841 году: на обращении барона Палена царь Николай I собственноручно написал карандашом:

*Напрасно барон Пален хочет придать более важности сему делу, чем оно представляет... Опасения публики напрасны и лишни, тем более, что изъявления подобные не должны быть принимаемы по **доверенности**, а **лично** (подчеркнуто Николаем I) желающими присоединиться, и потому нет возможности, чтобы много таковых явилось... Просителей разрешить присоединить и для них службу отправлять в одной из церквей наших на их языке.*

Это было роковое решение, последствия которого власти не предугадали.

Остзейцы еще пытались спасти положение. Дворяне Лифляндии и Курляндии по своей инициативе заготовили решительные протесты против возможных решений царя.

Пален сообщил о заявлениях рыцарей в Петербург. Затребовали оригиналы. Заявления были высочайше рассмотрены 4 апреля 1845 года. Они не смогли изменить прежнее решение, и царь ограничился резолюцией: «Весьма глупое опасение».

Пален потерял поддержку двора, его сменили. Место генерал-губернатора занял старый генерал Е. А. Головин.

Инструкции Николая I по православию

25 и 26 апреля 1845 года император Николай I утвердил подробные инструкции о том, как вести дела по присоединению эстонских и латышских крестьян к православию. Через епископа Филарета православным священникам Лифляндской и Курляндской губерний вменялось в обязанность при собеседовании с иноверцами об учении православной церкви «ограничиваться предметами веры, христианской нравственности и преданности государю и объявлять им, что дело веры не должно быть смешиваемо с другими делами, а также

внушать, что принятие православия не может переменить их отношений с помещиками, но только к одним пасторам, освобождая от приходских к ним повинностей». В инструкциях оговаривалось, что «присоединение иноверцев к православию подлежит общему, установленному для сего в империи порядку, но по особым местным обстоятельствам края дозволение присоединять представляется не всем священникам, а только надежнейшим и опытейшим, по усмотрению епархиального викария и под собственной его в таком выборе ответственностью».

Вот инструкции, которые были даны генерал-губернатору Головину:

«1) В последнее время крестьяне в некоторых местах Балтийских губерний начали изъявлять желание к принятию православия. Необходимо посвятить этому обстоятельству особенное внимание, чтобы при подобных случаях предупреждены были всякие недоразумения и беспорядки.

Е. А. Головин, генерал-губернатор Прибалтийского края в 1845–1848 гг.

2) На сем основании с осторожностью должно наблюдать, чтобы со стороны православного духовенства не было допускаемо понудительных средств, и таким образом иноверцы могли свободно присоединяться к православию на основании установленного для сего общего порядка и с собственного подвига.

3) С другой стороны, надлежит объяснить жителям и в особенности помещикам, что никакое местное начальство не вправе запрещать кому-либо принятие господствующего в империи исповедания, а изъявившим такое желание – чтобы они не ожидали по сему поводу никаких особых земных благ, а поступали бы по своему убеждению и совести. Само собою, впрочем, разумеется, что присоединенный к православию, исключаясь из числа при-

хожан протестантских, вместе с тем освобождается от всех лежавших на нем в отношении к протестантской церкви и духовенству повинностей, потому что, поступая в паству православную, он должен принять на себя и все обязанности в отношении к православной церкви и духовенству, сохраняя, однако, во всей строгости обязанности свои к помещику, на земле которого живет.

4) Не принимать в деле присоединения ходатаев или поверенных, предоставляя каждому говорить и действовать непременно за себя лично.

5) Как присоединение к православию совершенно зависит от собственного желания каждого, то за сим не допускать жалоб со стороны православного духовенства на иноверцев, изъявивших желание присоединиться, но не исполнивших сего, а также и на православное духовенство под предлогом неискренности желания лица, присоединенного к православию.

6) Иметь наблюдение, чтобы в православных церквях при богослужении на языке церковнославянском, равно как и на туземных языках, не было препятствуемо присутствовать всем желающим без различия вероисповеданий.

7) Не допускать принуждений и насилия со стороны иноверцев для удержания кого-либо из тамошних жителей в иноверчестве, если он пожелает перейти к православной церкви; принявших православие ограждать от всякого преследования и притеснений, в особенности же стараться предупредить раздоры, могущие возникать иногда в подобных случаях в самых недрах семейств, коих члены принадлежат к двум различным исповеданиям; и наконец, строго наблюдать, чтобы никто из принявших православие не лишился тех прав и преимуществ, коими по состоянию своему пользовался, находясь в иноверчестве, ибо перемена вероисповедания не переменяет отношений гражданских».

В своих донесениях генерал-губернатору помещики и пасторы писали, что в движении крестьян к православию имеются все признаки назревающего мятежа, что местные власти не отвечают за сохранение спокойствия в уездах и требуют прислать войска. Но Головин на это не реагировал. 21 июля 1845 года он издал циркуляр о том, что никому нельзя мешать в переходе в православие, а перешедших нельзя преследовать. Крестьяне истолковали это как начало новой жизни и победу царя над баронами, что и позволило свершиться великому пробуждению народа.

1845 – роковой год

Началось великое движение Прибалтики, движение, которому подобных не знает история. Как писал Валуев, «движение это противоречит всему, что история представляет о религиозных переменах». За прошедшие с тех пор 150 лет не было в Латвии столь массового движения. К сожалению, не нашлось сильной «партии» – ни в царское, ни в советское время, а уж тем более при Ульманисе Первом с его проанглийской ориентацией и сегодня – при проамериканской ориентации, которая смогла бы это уникальное широкое движение масс надлежащим образом вписать в официальную историю Латвии.

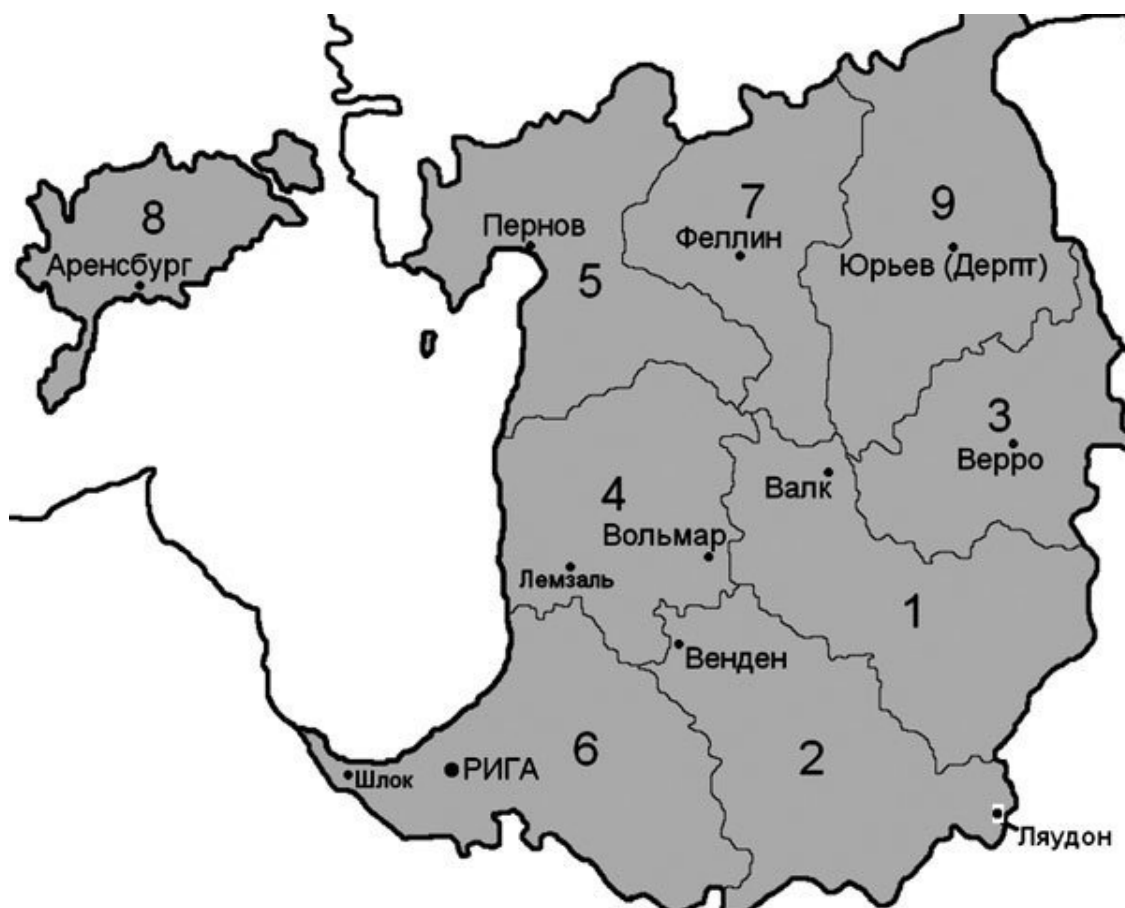
Начался массовый переход в «русскую» веру. «21 апреля совершено было в соборном храме самим епископом миропомазание над десятью обратившимися; к концу апреля было миропомазано 28 человек, а в мае – 50. Богослужение на латышском языке открыто было в Покровской церкви; священником для присоединенных назначен был отец Михайлов, а клиросное чтение отправлял Давыд Баллод»³³. Для латышской православной общины в Риге была отведена маленькая деревянная Покровская кладбищенская церковь. И 22 апреля 1845 года отец Яков Михайлов впервые в истории православной церкви отслужил здесь боже-

³³ Самарин Ю. Ф. Соч. Т. 10, М., 1896. С. 468.

ственную литургию на латышском языке. 29 апреля новоявленный священник отец Михайлов в Покровской церкви совершает миропомазание семилетнего Петра Баллода (он родился 1 декабря 1837 года).

Давыд Баллод внес наибольший вклад в дело присоединения. Он имел невероятный успех у крестьян. Небольшого роста, темноволосый, с пышной бородой, он, по словам современников, говорил уверенно, зычным голосом, и крестьяне ему доверяли. Уже в мае 1845 года он подает заявление о переводе в духовное сословие. Пасторы пытаются помешать, клеветают на него, но безуспешно. 3 августа просьбу Баллода о переводе в духовное сословие удовлетворили в Синоде. Он стал священником – первым и на долгое время единственным православным священником из латышей.

Давыд Баллод с апреля 1846 года начал службу в Ляудоне (его направили в самый дальний конец Лифляндии) и справлялся с обязанностями весьма успешно: за два года привлек в православие более 7000 лютеран, хотя действовал в условиях, которые трудно ухаживать. Церковь размещалась в казармах военного постоа. За урон, нанесенный лютеранской церкви, пасторы его прозвали чумой.

Карта Лифляндской губернии. Уезды: 1) Валкский, 2) Венденский, 3) Верросский, 4) Вольмарский, 5) Перновский, 6) Рижский, 7) Феллинский, 8) Эзельский, 9) Юрьевский (Дерптский)

До того как остзейцы изобрели эффективные средства борьбы с «бунтующими» крестьянами, в православие перешло более 100 тыс. человек. Подводя итоги 1846 года, лифляндский жандармский штаб-офицер подполковник Гильдебрант сообщает, что за 1845 и 1846 годы всего присоединились 37 279 человек и приписались для присоединения около 70 000 человек, и добавляет характеристику состояния в «бунтарском» крае: «Мнение мое отно-

сительно необоснованности опасений лифляндского дворянства, будто движение в Лифляндии крестьян к православию будет неминуемо ознаменовано возмущением и даже кровопролитием, подтверждается в полном смысле слова: ибо доселе спокойствие нигде нарушено не было»³⁴.

Но кому же движение конверсии оказало услугу – русскому элементу в Прибалтике или немецкому? Вот слова Ю. Ф. Самарина – убедительные и очевидные любому: «Вся местная власть губернская и уездная, все начальники городской и земской полиции, и (не говоря о пасторах) все помещики происхождения немецкого, лютеранская вера почитается ими главной и господствующей»³⁵.

Еще более трезвую оценку дает П. А. Валуев 3 ноября 1845 г. в докладной записке «Административные вопросы, заслуживающие особенного внимания правительства в Лифляндской губернии»:

*«Отрешение латышей и эстов от лютеранства сопряжено с важным преобразованием в земском быту и сверх того сопровождается неосновательными слухами, несбыточными ожиданиями и опасным для общественного спокойствия ожесточением противу помещиков, равно и нередко притеснением крестьян со стороны землевладельцев. Посему присоединение лифляндских поселян к православной церкви есть дело преимущественно политическое»*³⁶.

Перипетии движения

Лифляндское дворянство и лютеранское духовенство не склонны были сдаваться. Например, о своих злоключениях в Мариенбурге (Алуксне) сообщал Филарету священник Михайлов. Барон Фитингоф, оказывается, его грубо выругал и всячески препятствовал производить запись крестьян, желающих принять православие. Михайлов принужден был уехать из Мариенбурга преждевременно, не закончив исполнения своего дела.

Для производства записи в православие помещики нарочно назначали места, которые находились далеко от местностей, заселенных православными. Отводили совсем неподходящие помещения: корчмы, кузницы и даже сараи. Отправляясь на место записи, крестьяне должны были взять у помещика особый билет, если одна партия отправилась к месту записи, то другая могла получить его только тогда, когда первая вернется.

В присутствии немца-чиновника крестьянин должен был произнести следующую официальную формулу:

«Я... уезда... имения... прихода... усадьбы крестьянин... после двукратного устного увещевания заявляю, что от всего сердца и души желаю перейти из лютеранства в православие. Переходя в православие, я не требую и не ожидаю от правительства никаких мирских благ, а от помещика не жду послаблений, но перехожу в православие только для спасения своей души. После присоединения обещаю так же, как до сих пор, беспрекословно подчиняться законным властям, а также служить и работать для своего помещика. Обязуюсь и свято клянусь исполнять это обещание, ибо в случае неисполнения мне грозит строгое наказание. Богослужение желаю слушать на латышском языке, который я знаю. В удостоверение сказанного подписываюсь... или собственноручно ставлю три креста. Сие удостоверение принял... в присутствии чиновника...»

Как старики, так и молодые эту формулу должны были выучить наизусть. Если кто-то начинал запинаться или ошибаться, чиновник такого гнал прочь. Прогоняемому давали срок,

³⁴ ГАРФ, ф. 112, оп. 1, д. 12, ч. 3, л. 187.

³⁵ Самарин Ю. Ф. Соч., т. 10, 1896, с. 436.

³⁶ РГИА, ф. 908, оп. 1, д. 60, л. 30.

по истечении которого он мог явиться снова. Само собою понятно, что враги православия старались использовать помянутый срок на отговоры от принятия православия, не стесняясь средствами увещевания. После приписки крестьянам давался шестимесячный срок до окончательного присоединения. Эти шесть месяцев для крестьянина были временем искушения, а иногда даже пыток и унижений. Как помещики, так и пасторы прилагали все старания для того, чтобы вернуть крестьян в лютеранство. Угрозы, издевательство и пытки пускались в ход в случаях, если крестьяне упорствовали. Те, кто стойко выдерживали искушение и не отказывались от присоединения, должны были в назначенное время явиться в указанные властями места, где священник совершал обряд присоединения.

Генерал-губернатор Головин, ознакомившись с местными обстоятельствами, в своем годовом отчете писал:

«Строго охраняя свою немецкую национальность, местные помещики хотели бы, чтобы Прибалтийский край носил немецкий характер. Привыкшие испокон веков смотреть на своих крестьян как на свою полную собственность, они стараются изобразить переход крестьян в православие восстанием и даже бунтом против существующего строя».

И действительно, если порвется та духовная связь, которая еще теперь связывает помещиков с местными жителями, то немцы, которые составляют только 1/13 часть местного населения, попадут в положение изолированных и ненавидимых, чужих пришельцев. Такая перемена могла бы иметь чрезвычайное значение для жизни Прибалтийского края.

Епископ Филарет выставил требование: латышские и эстонские приходы необходимо снабдить священниками и учителями из среды самих латышей и эстов. И он добился, что 11 февраля 1846 года император Николай I утвердил решение Синода об учреждении в Риге духовной семинарии и повелел «вести прием как детей местного духовенства, так и детей природных жителей того края». Задача училища была в течение четырех лет приготовить детей латышей и эстов к поступлению в духовную семинарию. По учебной части велел исключить из общего учебного курса языки греческий и еврейский и другие ненужные предметы, а взамен ввести преподавание языков: латышского, эстского, отчетливое знание коих должно быть доведено до такой степени, чтобы воспитанники могли не только говорить на оных свободно, но и сочинять преимущественно катехизические беседы с простым народом, для назидания его в истинах веры и правилах христианской нравственности.

В 1847 году в самом центре Риги на одном из домов, что возле Верманского сада, красовалась роскошная вывеска: золотыми буквами на синем фоне сияла надпись (по-русски и по-латышски!): «Рижское православное духовное училище» (с 1851 г. – семинария). Вопрос о национальном составе воспитанников стал важнейшим во все время существования Рижского училища (семинарии). С 1 сентября 1847 года к обучению приступили 30 воспитанников; среди них 10 русских, 10 латышей и 10 эстонцев. Тут были и Петр Баллод – сын священника Давыда Баллода, и Янис Лицис, будущий публицист (под псевдонимом Индрикис Страумите). В семинарии Петр учился успешно, особенно легко давались ему языки. Заведение он окончил, но священником не стал. Решил продолжать учебу в Петербурге.

Епископ Филарет уделял серьезное внимание народным школам. Уже в самом начале своей деятельности в Риге он выставил требование, чтобы у каждой церкви была бы основана приходская школа. В 1848 году в Лифляндии было уже 16 православных приходских школ. Число народных школ начинает быстро возрастать: в 1850 году в Лифляндии числится уже 66 приходских школ. Православные латыши были недоступны идеологам онемечивания латышей. Духовная жизнь православных протекала вне сферы влияния немцев. В конце 1844 года в ведомстве Филарета было 25 приходов с 20 686 прихожанами, а в 1848 году – уже 98 приходов и 138 416 прихожан.

Революция 1848 года и конец движения

Генерал-губернатор Головин как отважный солдат был уверен в успехе и решительно боролся с остзейцами во всех сферах. Но в осадной политической борьбе они оказались сильнее, умело сопротивляясь любому мероприятию, направленному на поддержку бунтующего духа крестьян. Головин проиграл. На его судьбу и судьбу движения в православие роковое влияние оказали международные события.

В 1848 году в Европе вспыхнули революции. 17 мая 1848 года под влиянием бунтующего народа в Вене император Фердинанд I переехал со своим двором в Инсбрук. Император начал искать сближения со славянскими народами империи, желая противопоставить их австрийской и венгерской революции. Ключевое значение в развитии австрийской революции оказали события в Германии, где была выдвинута идея объединения всех немецких земель в федеративное государство. Фактически вся Австрийская империя оказалась охваченной революционным движением, которое распадается на несколько национальных революций: в Австрии, Венгрии, Италии, а также в Чехии, Словакии, Галиции, Трансильвании, Хорватии.

И летом 1848 года Николай I испугался: как бы революция из немецких земель через Лифляндию не перекинулась на Россию. Это привело к смене генерал-губернатора в Риге. Когда Головин в 1848 году в отчете о состоянии дел в губерниях поведал царю, что местное дворянство не исполняет распоряжения правительства относительно православия, что притесняет крестьян, перешедших в православие, остзейцы мобилизовали все свои силы и связи и достигли того, что Головин был отозван из Риги, «чтобы успокоить волнение в среде местного дворянства».

Место Головина в Риге занял князь А. А. Суворов. Типичный карьерист, он увидел, что борются две неравные группы: с одной стороны – поддерживаемые Филаретом крестьяне – латыши и эсты, а с другой – всемогущие местные дворяне, которые имеют большие связи при дворе. И Суворов сразу стал на сторону дворян. Желая польстить дворянству, он всюду демонстрировал свою враждебность к епископу Филарету. К нему с официальным визитом Суворов явился только после того, как посетил всех влиятельных местных немцев: дворян, пасторов, торговцев, гильдейцев и др. Однажды Филарет пришел к Суворову и застал там немецкое общество, с которым Суворов говорил по-французски. Потом немцы пересказывали слова Суворова, мол, явился русский «мужик», который недавно еще смазывал колеса, а теперь занимается «мазанием» местных мужиков (Суворов намекнул на миропомазание). Находя в лице Суворова поддержку, остзейцы осмелели и при помощи своих агентов при дворе добились того, чтобы царь дал Филарету повышение по службе.

На место Филарета был назначен епископ Платон (Городецкий). Свою служебную деятельность он начал в Петербурге, где сначала был профессором академии, а потом состоял ректором духовной семинарии. Ознакомившись с местными силами и обстоятельствами, Платон не считал возможным продолжать борьбу с немцами. Со всеми он хотел ужиться мирно, но это только раззадорило немцев. Агитация против православия в пятидесятых годах развернулась очень широко. Была пущена молва, что сам царь не желает более поддерживать православие, что в 1849 году изданные аграрные законы дают право приобретать землю только крестьянам лютеранского вероисповедания, православные же землю не получают.

Печальная участь Давыда Баллода

По сведениям Синода, в 1845–1848 годах в православие перешло 110 222 крестьянина (62 898 латышских и 47 324 эстонских), что составляло 17 % всех живших в тот период на территории Лифляндии латышских и эстонских крестьян. К сожалению, новообращенные сильно страдали от притеснений со стороны землевладельцев.

«Состояние большей части новообращенных самое жалкое. Тоска сопутствует им повсюду; заключение брачного союза, крестины новорожденного, примирение с Господом в святом причастии, даже роковая минута смерти – словом, всякое событие жизни, освещаемое церковью, возмущает в душе их пламенную, до сих пор тщетную жажду освобождения, душевное горе, безнадежное отчаяние». Такую оценку дает Валуев³⁷.

Началось обратное движение за возврат в лютеранство. У Самарина мы находим описание этих тенденций:

«В начале 60-х годов в кругу новообращенных латышей обнаружилось очень сильное обратное движение из православия в лютеранство. Первыми признаками его были уклонения православных латышей от исповеди и причастия. Потом более или менее упорное сопротивление со стороны родителей крещению и миропомазанию их новорожденных детей по чину православной церкви, наконец стали поступать словесные и письменные просьбы о разрешении православным переходить в лютеранство или, по крайней мере, крестить в лютеранскую веру детей, рожденных от браков лютеран с православными»³⁸.

В апреле 1864 года граф Бобринский, командированный по высочайшему повелению для исследования ливонского вопроса, признал, что из 140 000 значившихся в то время по православным спискам в Ливонии эстов и латышей едва 1/10 часть, может быть, действительно исповедуют православную веру, остальные же никогда душою не были православными и «со слезами», «на коленях» умоляют правительство о признании их лютеранами.

Затем летом 1864 года инспекционную поездку предпринял епископ Платон³⁹. За три месяца он объехал все православные приходы Ливонской губернии: начал 8 июня с эстонских приходов и завершил дальним восточным концом Ливонской губернии 2 сентября – вскоре после кончины Давыда Баллода. Он как будто отдал встречу с виновником пере-крещенных. И Баллод не выдержал ожидания роковой встречи с Платоном и отчаявшимися прихожанами – ушел из жизни.

По выезде из Риги архиепископ, проездом через мызу Кольцен, изволил в тамошней православной церкви делать присутствовавшим крестьянам увещание жить в мире, согласии и послушании. Такую молитву он произносил затем во всех приходах и всякий раз слышал одни и те же ходатайства крестьян – об увольнении их из недр православной церкви, догматы и обряды которой им совершенно не известны.

На это епископ возразил, что желает слышать только законные просьбы, закон же, изданный для всей России, дозволяет иноверцев принимать в лоно православной церкви, но положительно воспрещает переходить из православия в другое какое-либо исповедание. Если такой закон существует для всей Российской империи, то каким образом может быть исключение из него для одной Ливонской губернии?!

За сим архиепископ вновь обратился к просителям. «Если вы так несчастливы, – сказал он, – то переселяйтесь во внутренние губернии, где государь император пожалует вам землю, переезжайте, например, в Ейск». На это некоторые из толпы отвечали, что они охотно

³⁷ РГИА, ф. 908, оп. 1, д. 158, л. 31 об.

³⁸ Самарин Ю. Ф. Окраины России, сер. I, вып. 3, Берлин, 1871, с. 105.

³⁹ Latvijas vēstures avoti, 5. sēj., Rīga, 1939.

переселились бы, если бы имели деньги на переезд, другие же говорили, что многие из них переселились во внутрь империи, но не нашли там счастья; что они сами были бы вполне довольны и на настоящих местах их жительства, если бы там возвратили им их старую веру.

Перед напутственным благословением народа в одном приходе, соседнем с ляудонским, высокопреосвященство укорял прихожан за отступничество от своей веры из мирских выгод. В это время голос из толпы прервал его речь, говоря, что такую несправедливость сделали латыши, которым ляудонский священник обещал мирские выгоды. Другое лицо высило в толпе голос, прося освобождения от православия. Последняя была Мадде Амолинг. Архиепископ просил установить тишину. Мадде, плюя, отвечала матери, чтобы она оставила ее в покое, так как она одна причиной всего ее несчастья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.